

ЛЕНИН И ВОПРОСЫ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

- 9 -

1

Возникновение в России в конце XIX века революционно-пролетарского движения явилось величайшим событием всемирно исторического значения. Оно ознаменовало начало новой эпохи развития человеческого общества — эпохи уничтожения капитализма и борьбы за социализм.

В истории России на всем ее протяжении было немало героических восстаний против самодержавия и крепостничества, сложились замечательнейшие, стойкие революционные традиции. Основатель и гениальный вождь Коммунистической партии В. И. Ленин, характеризуя различные этапы русского революционного движения, с большим уважением говорил об исторических заслугах дворянских революционеров — декабристов. Ленин высоко оценил великий вклад, который внесли в дело освобождения России революционные разночинцы. Представителей этого второго поколения русских революционеров Ленин, используя слова Герцена, назвал молодыми штурманами будущей бури. Но только пролетариат, поднявшийся во главе масс, смог разрешить те задачи, которые вставали перед прошлыми революционными поколениями, и возглавить борьбу за создание социалистического общества.

Под руководством Коммунистической партии пролетариат повел русский народ на штурм самодержавия, к победоносной социалистической революции.

История русского революционного движения на всех его этапах теснейшим образом связана с развитием передовой русской литературы. Радищев, Пушкин, Белинский, Лермонтов, Герцен, Добролюбов, Чернышевский, Некрасов, Щедрин и другие писатели XVIII—XIX веков воплотили в своих произведениях самые передовые идеи своего времени, отразили в своем творчестве все более и более крепнувший революционный дух русского народа, его пламенный патриотизм, самоотверженную преданность борьбе за свободу, непримиримую ненависть к угнетателям — внутренним и иноземным. Новая эпоха, эпоха пролетарского революционного движения вызвала к жизни и новую литературу, продолжившую лучшие традиции прошлого, но впервые отразившую движение самих масс, думы и чаяния пролетариата и всего трудового народа, поднявшегося на завоевание своих прав и призванного быть хозяином и строителем новой жизни.

Энгельс еще в конце XIX века должен был доказывать, что «революционный отпор рабочего класса угнетающей его среде, его судорожные попытки, полусознательные или сознательные, добиться своих человеческих прав вписаны в историю и должны поэтому занять свое место в области реализма».¹ Эта задача, выдвинутая одним из основоположников

научного коммунизма, нашла свое полное воплощение, впервые в истории мировой литературы, именно в России, в творчестве буревестника пролетарской революции, родоначальника социалистического реализма Горького, начавшего свою деятельность на заре третьего, пролетарского этапа русского революционного движения.

То обстоятельство, что новая эпоха в художественном развитии человечества началась именно в России, было вполне закономерным. Как указывали Маркс и Энгельс еще в 1882 году в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», «Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе».¹ Перемещение в Россию центра мирового революционного движения обусловило всемирное значение передовой русской литературы, всемирное значение великого художника пролетариата Горького, которого Ленин уже в 1901 году назвал европейски знаменитым писателем.

В борьбе за свержение капиталистического строя и за торжество идей социализма Коммунистическая партия неизменно стремилась воздействовать на все области общественной жизни, мобилизовать все достижения культуры. Отсюда становится понятным и то внимание, которое партия уделяла литературе, этому могучему средству идейного воспитания народа.

Политика партии в области литературы всегда определялась марксистским учением о роли и значении литературы в общественном развитии. Марксизм является целостным учением, которое освещает ярким светом все стороны действительности и служит не только методом познания жизни, но и методом ее революционного преобразования, оружием борьбы за победу коммунистических принципов во всех областях знания и практики. Маркс и Энгельс, создатели исторического материализма как науки о законах развития общества, впервые применили свое учение также и к изучению вопросов искусства и литературы. Установив, что ход идей определяется ходом вещей, они показали, что и литература является отражением процессов самой действительности, и на этой основе вскрыли социальную обусловленность произведений литературы, прямую связь литературного развития с борьбой классов. Тем самым Маркс и Энгельс разгромили идеалистическую эстетику, утверждавшую независимость искусства от действительности, его «автономность». Идеалистическая эстетика, рассматривавшая искусство как область «чистого сознания», защищавшая его «бесклассовость», на деле отстаивала интересы эксплуататорских классов.

Марксизм явился подлинно научной основой понимания искусства как формы художественного освоения мира, как формы общественного сознания, играющей огромную роль в общественно-политической борьбе. Маркс и Энгельс дали образцы материалистического объяснения истории литературы и искусства, образцы научной оценки творчества различных писателей с позиций революционного пролетариата. Маркс и Энгельс показали, что капиталистический строй с его господством чистогана является по самой своей сущности враждебным искусству и что уничтожение капитализма и торжество коммунизма создадут условия для полного и высшего расцвета художественного творчества.

В. И. Ленин считал величайшим достоинством и силой марксистской теории соединение строгой и высшей научности с революционностью, ее

партийность. При этом он ставил в пример Маркса, деятеля, который в самой теории соединял эти качества «внутренне и неразрывно» (т. 1, стр. 308).

Ленин — гениальный продолжатель Маркса и Энгельса — развил и обогатил марксизм в новых исторических условиях, дал ответы на новые вопросы, возникшие в новую эпоху — эпоху империализма и пролетарских революций. Двигая вперед марксизм, разрабатывая многообразные, сложнейшие проблемы, вооружая всех трудящихся большевистской теорией, партия не оставила вне своего внимания ни одной из областей культуры, имеющих существенное значение для воспитания народа, способствующих успеху борьбы за коммунизм. И в вопросах литературы ленинизм развил, обогатил марксистское понимание сущности и задач литературы на основе нового исторического опыта и в соответствии с задачами, возникавшими на каждом новом этапе революционной борьбы.

Революционная борьба пролетариата и его авангард Коммунистическая партия оказали глубокое влияние на литературное движение, на новую культуру, кровно связанную с пролетариатом. В эпоху пролетарской революции с особой силой выдвинулось значение мировоззрения, роль передовых идей в общественном развитии. В период, когда враги пролетарского революционного движения предпринимали атаки на марксизм, идеологи буржуазии всемерно стремились насаждать реакционные политические, философские, эстетические теории. На страницах буржуазной литературной прессы усиливался поход против традиций революционных демократов, проповедывалось декадентство, «искусство для искусства». В этой обстановке пропаганда и развитие марксистского мировоззрения были решающим моментом для судеб русской революции и для русской культуры.

Коммунистическая партия всегда боролась с недооценкой великой роли социалистической идеологии, освещающей путь революционной практике. Соединение марксистской теории со стихийным рабочим движением ознаменовало новый этап в освободительной борьбе русского народа и всего человечества. Вот почему во всех областях общественной жизни, и в том числе в применении к литературе и искусству, так важно было пропагандировать принципы марксизма.

Марксистско-ленинская эстетика исходит из понимания литературы как мощного средства познания и революционного преобразования жизни. Это понимание роли и значения литературы в новых условиях всемирно исторической эпохи пролетарской революционной борьбы Ленин развил и обосновал в своей исторической статье «Партийная организация и партийная литература» (1905).

В этой статье Ленин выдвинул задачу создания социалистической, подлинно свободной, открыто связанной с пролетариатом литературы. Она должна быть, по мысли Ленина, пронизана идеей социализма. Она должна служить «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» (т. 10, стр. 30—31). Наконец, эта литература должна создать взаимодействие между опытом прошлого и современной борьбой пролетариата, т. е. продолжить лучшие традиции старой передовой культуры и творчески воплощать новаторские, революционные идеи. Эти ленинские идеи в дальнейшем нашли развитие в определении И. В. Сталиным советской литературы как литературы социалистического реализма, в определении роли писателя в социалистическом обществе как инженера человеческих душ.

Партия еще до победы диктатуры пролетариата боролась за *новый тип писателя*, безраздельно преданного трудящимся, писателя, соединяющего

в себе марксистскую, теоретическую вооруженность с глубоким изучением жизни и живым участием в повседневной борьбе пролетариата. Партия всегда призывала писателей к тесной связи с делом партии, с делом революционной борьбы, учила их воспитывать массы на примерах героев, выдвинувшихся из гущи народа. В 1910 году Ленин написал статью-некролог «Иван Васильевич Бабушкин», где охарактеризовал типические черты этого выдающегося рабочего революционера. Подчеркивая важность жизнеописания Бабушкина и других рабочих революционеров, Ленин указывал, что такие жизнеописания покажут, «как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему» (т. 16, стр. 334). Эти указания Ленина, в данном случае относившиеся к публицистике, имели важнейшее значение и для развития пролетарской художественной литературы, призванной создать типические образы положительных героев, посвятивших свою жизнь партии, пролетариату, делу освобождения всех трудящихся. В создании таких образов заключалось, как известно, огромное, основополагающее для литературы социалистического реализма, значение горьковского творчества.

Партия стремилась всегда распространить свое влияние на все области литературной работы. Так, в одном из писем к Горькому Ленин писал о необходимости включить в «Пролетарий» литературную критику и здесь же заметил: «Во сколько раз выиграла бы и партийная работа через газету, не столь одностороннюю, как прежде, — и литераторская работа, теснее связавшись с партийной...» (т. 34, стр. 331).

Влияние партии помогало литературе пролетариата быть на уровне задач современности, способствовало преодолению слабостей и ошибок. Горький в своих статьях неоднократно говорил с благодарностью и любовью о заботливой, дружеской помощи партии и ее руководителей.

Ленин разоблачал буржуазную идею о возможности существования какой-то «надпартийной», «надклассовой» прессы. В письме Горькому от 22 ноября 1910 года Ленин дает характеристику политической физиономии различных русских журналов и указывает: «Журнал без направления — вещь нелепая, несуразная» (т. 34, стр. 380—381).

Принцип партийности обозначил новый этап не только в истории эстетической мысли, но и в литературной критике. Классическое определение Лениным различия между объективистом и марксистом-материалистом может быть полностью отнесено и к науке о литературе: «Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения» (т. 1, стр. 380).

Руководствуясь идеей партийности, Ленин еще в 1902 году в своей работе «Что делать?» указал на всемирное значение, которое приобрела передовая русская литература в период, когда на арену исторической борьбы выступил рабочий класс. Говоря о задачах русской социал-демократии, Ленин указывал: «...*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» (т. 5, стр. 342). Всемирное значение русской литературы было обусловлено, следовательно, передовой ролью России в мировом революционном движении. Этой ролью России следует объяснить и особую, по сравнению с другими странами, исключительно

тесную связь русской литературы с передовыми идейно-философскими направлениями русской мысли и с развертывавшейся в стране революционной борьбой. Смысл слов Ленина о значении, которое приобрела русская литература к концу XIX века, в полной мере раскроется перед нами, когда мы вспомним о тех напряженных идейных исканиях, которые были свойственны всем передовым русским писателям, вспомним о том, что в русской литературе, критике и публицистике вырабатывались плодотворные новые идеи и вместе с тем проходила критическую проверку и теоретическая мысль других стран. Достаточно упомянуть в этой связи о критике зрелым Белинским реакционных, филистерских сторон гегелевской философии или о критике Чернышевским различных реакционно-идеалистических учений, столь распространенных в его время. С гордостью писал Ленин об истории развития передовой русской теоретической мысли.

Партия всегда высоко ценила великое историческое значение передовой русской литературы, ее роль в революционном движении. Пламенным патриотизмом пронизана статья Ленина «О национальной гордости великороссов», где среди лучших представителей русской культуры Ленин назвал имена Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов.

До возникновения в России пролетарского социал-демократического движения с наибольшей полнотой выразили интересы народа революционные демократы 40—60-х годов. Ленин указывал, что деятельность Белинского была связана с настроениями крепостного крестьянства. Громадная заслуга Герцена заключается, по Ленину, в том, что он «первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» (т. 18, стр. 15). Чернышевского Ленин высоко оценил за то, что «он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (т. 17, стр. 97).

Одной из основ научной теории литературы является ленинское учение о двух национальных культурах, существующих при капитализме, о борьбе культуры демократической и социалистической с псевдокультурой эксплуататорского меньшинства.

Радищева, Белинского, Герцена, революционных демократов-шестидесятников, Щедрина, Льва Толстого, Максима Горького, этих действительных представителей национальной русской культуры, Ленин резко противопоставлял представителям реакционной псевдокультуры — Кавелиным и Катковым, Розановым и Мережковским — непримиримым врагам демократии и социализма. Ленин с величайшей четкостью проводил это разграничение двух культур через всю историю общественно-политической борьбы и литературного движения и высоко ценил познавательную сущность и революционную силу творчества передовых русских писателей прошлого, героически преданных идее освобождения своей родины от ига помещиков и капиталистов. В статье «О национальной гордости великороссов» и в других работах Ленина содержатся также важнейшие указания на необходимость при изучении проблемы патриотизма отделять истинный патриотизм от лжепатриотизма, прикрывающегося лицемерными фразами, отделять действительных патриотов от тех сознательных врагов демократии и социализма, шовинистов и националистов, которых Ленин саркастически называл «патреотами».

Разоблачая буржуазный национализм, развивая идеи пролетарского интернационализма, Ленин учил, что «для революции пролетариата необходимо

длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства» (т. 21, стр. 87).

Правдиво-реалистическое воспроизведение жизни, отражение народных интересов, сила обличения угнетателей народа, воплощение в художественных образах освободительных и патриотических идей, разоблачение крепостников, реакционной сущности либералов, — вот что является основным и определяющим в отношении марксистской критики к писателям-классикам.

В работах Ленина это отношение к русской литературе нашло многообразное выражение. В частности, оно выразилось и в том, как Ленин истолковывал художественные образы русских классиков. На страницах работ Ленина читатель часто встречается с образами из произведений Крылова, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Некрасова, Гл. Успенского, Щедрина, Чехова и других писателей. Однако это не просто традиционное упоминание того или иного героя с целью «оживить текст». Ленин, сохраняя все типические черты литературных героев, мастерски использует их в условиях общественно-политической борьбы своего времени. По-новому раскрываются Лениным, например, психологические потенции гоголевского Манилова. В гоголевское время Манилов, слащавый до приторности, сентиментальный дворянин, стремился отсидеться от жизни в «храме уединенного размышления». Его стремления не простирались дальше пустых и никому не нужных прожектов о том, чтобы в усадьбе «от дома провести подземный ход, или через пруд выстроить каменный мост». Но вот Ленин в своих статьях показывает, каковы маниловы и маниловщина в условиях ожесточенной классовой борьбы XX века. Эти принципы оценки классического наследия связаны с марксистско-ленинским пониманием реализма, сила которого заключается в типизации явлений действительности. Выдающиеся писатели-реалисты, создавая типы, раскрывая существеннейшие черты представителей различных классов, тем самым вскрывали сущность того или иного класса как социальной силы.

Использование образов, созданных писателями прошлого, в политической борьбе возможно само по себе потому, что в этих образах обобщены характернейшие особенности различных классов в целом, изображены те особенности, которые по-новому проявлялись в различной исторической обстановке.

С исключительной глубиной раскрывается сущность типического как проблемы политической в статье Ленина «Памяти графа Гейдена» (1907). Свою статью Ленин начинает цитатой из газеты «Товарищ», которая писала о Гейдене: «Прекрасный образ Петра Александровича привлекал к себе всех порядочных людей без различия партий и направлений. Редкий и счастливый удел!!!» (т. 13, стр. 35). Обличая истинное политическое содержание подобных статей, Ленин далее раскрывает действительный облик Гейдена и характеризует его, как «типичного контрреволюционного помещика» (т. 13, стр. 37). Ленинская характеристика Гейдена вскрывает самое существенное в облике Гейдена потому, что Ленин поставил в этой статье вопрос: «Что характерно, что типично для общественной деятельности Гейдена?». Отвечая на этот вопрос, Ленин показал, каким образом этот «образованный контрреволюционный помещик умел тонко и хитро защищать интересы своего класса, искусно прикрывал флером благородных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников...» (т. 13, стр. 39).

И вот что особенно важно для понимания типического: Ленин связывает свой анализ облика Гейдена как типа контрреволюционного помещика

с типическими образами помещиков в произведениях Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Тургенева.

«Еще Некрасов и Салтыков, — пишет Ленин, — учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследства..., учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа» (т. 13, стр. 40). Противопоставляя Некрасова и Щедрина публицистам газеты «Товарищ», Ленин, следовательно, исходит из того, что Некрасов и Щедрин именно в силу своей революционно-демократической позиции, в силу своего стремления научить народ ненавидеть помещика, сумели обнаружить типические черты крепостника под приглаженной и напомаженной внешностью. В то же время объективизм публицистов «Товарища», их стремление подняться над классами и направлениями (а на деле — холопство перед помещиками) затушевывали именно основные существенные, определяющие черты Гейдена. Они судили о Гейдене не «по его действительной деятельности на общественной арене», а «по его речам, по его биению себя в грудь и проливанью крокодиловых слез» (т. 13, стр. 39).

Статья Ленина является замечательным образцом понимания типического и, вместе с тем, отчетливо раскрывает для нас положение о том, что проблема типического — всегда проблема политическая.

Щедрин и Некрасов своим раскрытием типических черт крепостников учили народ, воспитывали его революционное сознание. Либерально-демократические филистеры своим затушевыванием действительной сущности типичного контрреволюционного помещика графа Гейдена пытались отравить сознание широких масс.

Тургеневу, как указал Ленин, претил мужицкий демократизм Чернышевского и Добролюбова. Но изображение Тургеневым типических особенностей помещиков-крепостников имело огромное значение в борьбе с крепостничеством. И Ленин в статье «Памяти графа Гейдена» вспоминает типические образы помещиков, созданные не только Некрасовым и Салтыковым, но и Тургеневым, указывает на образ Пеночкина из «Записок охотника» как на «образчик гейденовской „гуманности“ или гуманности à la Гейден» (т. 13, стр. 41). Раскрытие Тургеневым дикой жестокости помещика, замаскированной образованностью, прикрытой европейским лоском, эстетическая оценка его облика — все это обусловило такую верность и остроту образа, которые позволили воспользоваться им для характеристики типических черт помещиков и много лет спустя, в XX веке.

Все это является выражением активного, творческого отношения к литературному наследству прошлого, примером замечательно умения деятелей Коммунистической партии обратить литературу прошлого к интересам сегодняшнего дня. Наследие передовой классической русской культуры представляет собой огромную воспитательную силу, оно явилось и является исходным пунктом для дальнейшего развития новой культуры, отражающей идеи пролетарской революции, интересы многомиллионных народных масс.

В период, которому посвящен десятый том «Истории русской литературы» (от 90-х годов XIX века до 1917 года), борьба партии во главе с В. И. Лениным за высокоидейную,

кровно связанную с пролетариатом культуру и литературу определилась общими задачами партии — задачами

- 16 -

борьбы за свержение господства буржуазии и помещиков и установление диктатуры пролетариата, задачами революционного воспитания масс. В соответствии с этим и строится изложение темы настоящей главы «Истории русской литературы».

2

Крупным историческим событием в общественно-политическом и литературном движении конца XIX века была борьба марксистов с народниками, нашедшая широкое отражение также в журналистике, литературной критике и художественной литературе.

Разгром народничества явился одним из важнейших этапов утверждения идеи пролетарской революции как единственно правильного пути уничтожения самодержавия, действительного освобождения народа и борьбы за социализм.

Плеханов дал марксистскую критику взглядов народников в 80-х годах, но задача полного идейного разгрома народничества была решена Лениным.¹ В ходе разоблачения народнической системы взглядов Ленин выдвинул и осветил в своих трудах вопросы, имевшие большое значение также и для разоблачения антимарксистских взглядов на литературу, для утверждения марксистских принципов литературного развития. Вместе с тем, ленинские работы, посвященные народничеству, нанесли удар ложным идеям, которые пропагандировались в народнической публицистике, литературной критике, а зачастую и художественной литературе.

В своих работах «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894), «От какого наследства мы отказываемся?» (1897) и других Ленин показал, что народники 90-х годов, лицемерно выдававшие себя за «друзей народа», давно отказались от революционной борьбы с царизмом и переродились в либеральных реформаторов, на деле защищавших интересы кулачества. Ленин разоблачил истинное лицо этих фальшивых «друзей народа» и указал путь революционной борьбы пролетариата и роль крестьянства, его союзника. Ленин показал также принципиальное различие в подходе к действительности марксистов, которые смотрели в глаза правде жизни, внимательно изучали реальный процесс капиталистического развития России и готовили массы к революционному штурму царизма, и народников, закрывавших глаза на реальный исторический процесс и пытавшихся «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ существовавшего общественного строя.

В то же время статьи Ленина против народничества, появившиеся во второй половине 90-х годов, ставили новые, важнейшие вопросы политики, философии, культуры.

Работы Ленина, направленные против народников, имели особое значение также для культурного развития и потому, что народники постоянно подчеркивали универсальное значение принципов своей методологии — субъективной социологии — для всех областей культуры, пропагандировали эти принципы также в области художественной литературы и литературной критики. Стремление народников к «универсальности», естественно, не могло остаться без оценки Ленина: в своем анализе народнической социологии Ленин уделил известное внимание ее отражению в литературной критике

народничества и коснулся вопроса о верности изображения действительности в произведениях народников-беллетристов.

Художественная литература различных направлений конца XIX века широко отразила те же темы, которые обсуждались в ходе борьбы марксистов с народниками. В произведениях наиболее чутких к вопросам современности писателей-реалистов было показано разорение деревни, отмирание патриархального крестьянского быта и повсеместное развитие капитализма, Ленин, анализируя в своих работах эти вопросы, обращался за иллюстрациями к произведениям писателей — и беллетристов, и публицистов, — к очеркам Глеба Успенского, к нашумевшей книге Энгельгардта «Письма из деревни», к «Письмам о голоде» Льва Толстого, к «Павловским очеркам» В. Г. Короленко и другим.

В литературе все в большей степени отражалось противоречие «верхов» и «низов» и все с большей четкостью кристаллизовалась тема капиталистического общества, тема «господина Купона», тема растущего антагонизма между городским и деревенским пролетариатом, с одной стороны, и «служителями рубля», — с другой. Работая над книгой «Развитие капитализма в России» (1896—1899), Ленин вовлек в круг материалов к ней произведения писателей, изобразивших новые формы угнетения и эксплуатации трудового народа, — В. Вересаева и Д. Мамина-Сибиряка. Иллюстрируя свой анализ условий жизни русского крестьянина, Ленин указал на один из лучших очерков Вересаева «Лизар».

О Мамине-Сибиряке, бытописателе уральского промышленного капитализма, Ленин, естественно, вспомнил в той главе «Развития капитализма в России», где речь идет о горной промышленности. Сославшись при характеристике замкнутости Урала на один из ранних рассказов Мамина-Сибиряка — «Бойцы», — Ленин коснулся затем всего его творчества. «В произведениях этого писателя, — отметил Ленин, — рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с „добросовестным ребяческим развратом“ „господ“, с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России» (т. 3, стр. 427). В рассказе «Бойцы» и в других своих произведениях Мамин-Сибиряк правдиво и с болью за «раздавленных людей» показал полную беспочвенность утопических надежд на сохранение «устоев» и изобразил новые бедствия, которые принес народу капитализм.

Но совсем иначе, явно апологетически по отношению к буржуазным «героям», дельцам и предпринимателям, изображал капиталистическую Россию П. Боборыкин в своих известных романах («Китай-город», «Перевал», «Василий Теркин» и др.). В работе Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» содержится отрицательное упоминание романа Боборыкина «По-другому», извратившего существо борьбы марксистов с народниками.

Произведения писателей, в той или иной степени примыкавших к народничеству, имели ценность лишь постольку, поскольку эти произведения противоречили догматам народничества и содержали жизненно-правдивые черты происходивших в деревне процессов.

Ленин высоко ценил Глеба Успенского за реалистическое проникновение в жизнь пореформенной деревни. В ряде случаев, когда Ленин говорит об индивидуализме как основе экономических отношений между крестьянами, он делает ссылку на Успенского, а в книге Ленина «Развитие капитализма в России» наблюдения и характеристики Успенского в ряде

- 18 -

случаев подкрепляют выводы об эволюции крестьянства. Так, например, Ленин ссылается на «Деревенский дневник» Успенского, отмечая «полное преобразование капитализмом старинного типа патриархального земледельца, полное подчинение последнего „власти денег“» (т. 3, стр. 265). И недаром в одном из своих экономических набросков Ленин указывает, что изображение Успенским капиталистических отношений к деревне близко взглядам Энгельса.¹

Часто Ленин пользуется в своих работах символическим образом Успенского «господин Купон» и его же обобщающей психологию мелкого производителя формулой «власть земли».

Реалистические черты в литературе народничества вступали в противоречие с народнической догматикой и объективно содействовали победе марксистского понимания совершавшихся в деревне процессов. Проницательная критика противоречий между трудом и капиталом в произведениях Успенского, Каронина, Наумова и других писателей дает основание применить к оценке народнической литературы слова Ленина о том, что «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс» (т. 18, стр. 330).

В своих работах Ленин вскрыл двойственность идеологии народничества как отражения двойственной природы мелкобуржуазного крестьянства, противоречивости его сознания. Этот класс «является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества», но он же является и «реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении» (т. 1, стр. 270), развитие, в процессе которого созревает пролетариат, сила, способная совершить социалистическую революцию. Ленин отчетливо разграничивал различные этапы развития народничества. Для «старых социалистов» эпохи Чернышевского также были характерны иллюзии об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о «случайности» капитализма. *«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством»* (т. 1, стр. 246). Это классическое революционное народничество Ленин отделял от народничества позднейшего. Развитие капитализма в 80—90-х годах стало фактом, который уже невозможно было не признавать, и сама жизнь показала утопичность идеи об «особом укладе русской жизни». В этой новой обстановке даже и последовательное отстаивание идей старого народничества приобретало реакционный с точки зрения пролетарской борьбы характер. Однако народничество 80—90-х годов утратило и последовательность старых русских социалистов, разорвав с социализмом и превратившись в культурнический оппортунизм. Народники 90-х годов, игнорируя эксплуатацию бедноты, выступали, по существу, как выразители интересов кулачества. «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую

революцию *против основ современного общества*, — писал Ленин, — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, „улучшить“

- 19 -

положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*» (т. 1, стр. 246—247).

В своей работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и в других статьях Ленин показал, что общее идейное вырождение народничества отразилось и в деятельности одного из виднейших теоретиков этого направления, публициста и литературного критика Н. К. Михайловского, который в последние десятилетия своей деятельности стал известен как отъявленный враг марксизма. Ленин охарактеризовал эволюцию Михайловского как переход от крестьянского социализма 70-х годов к народническому мещанскому либерализму 90-х годов (см. т. 1, стр. 164).

Методология Михайловского и других народников в области изучения различных форм общественной жизни была подвергнута Лениным последовательной и всесторонней критике еще в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Критикуя в первом выпуске этой работы взгляды Михайловского, Ленин вскрыл сущность его методологии и дал глубокую характеристику марксистского учения о закономерностях общественного развития. При этом Ленин раскрыл природу различных идеологических форм.

Говоря об идее материализма в социологии, Ленин в качестве основополагающего тезиса цитирует известный отрывок из предисловия Маркса «К критике политической экономии», где указывается, что «перемену в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом — идеологических формах» следует объяснять, исходя «из противоречий материальной жизни» (т. 1, стр. 121). Противопоставление Лениным *марксистского* метода изучения разнообразных, и в том числе художественных, форм методу субъективной социологии имело в то время особое значение, ибо Михайловский неоднократно подчеркивал универсальный характер своей идейно-философской программы. Эту программу он охарактеризовал как «общий фон, на котором рисовались узоры лирики, беллетристики, критики, философии, истории, экономики и политики».

Ленин показал, что специфической чертой субъективной социологии является игнорирование объективных закономерностей исторического развития, убеждение, что общественные отношения можно переделать по своему произвольно и умозрительно избранному идеалу. Народническая социология покоилась, следовательно, на идеалистическом понимании исторического процесса.

«Народник уверяет, что он — реалист, — писал Ленин. — „Историю делают живые личности“, и я, мол, и начинаю с „чувств“ кустаря, отрицательно настроенного к современному порядку, и с помыслов его об устройстве порядков лучших, а марксист рассуждает о какой-то необходимости и неизбежности; он мистик и метафизик». Критикуя эти рассуждения народника, Ленин разъясняет, что марксист имеет дело с живыми, действительными личностями, с действительными помыслами и чувствами людей и с результатами их деятельности, в то время как народник берет за исходный пункт «куклу», которой и начиняет голову «своими собственными „помыслами и чувствами“» (т. 1, стр. 388).

Принципы субъективной социологии народники стремились применить и в области литературной деятельности, что также было вскрыто Лениным. В своей работе «Экономическое содержание народничества» Ленин подверг детальному разбору анонимную статью «Отечественных записок» — «Новые исходы на народной ниве», автор которой, касаясь литературы, объяснял ее

- 20 -

содержание только личными намерениями писателей безотносительно к закономерностям общественной жизни.

Поистине историческое значение имела и постановка Лениным в 90-е годы проблемы «наследства» революционных демократов 60-х годов и роли его для борьбы пролетариата. Вопросу о «наследстве», о его исторических судьбах и об отношении к нему народников и марксистов Ленин посвятил свою статью «От какого наследства мы отказываемся?» (1897). Статья Ленина представляла собой защиту великих традиций передовой русской культуры, их боевого значения в борьбе со всеми формами реакции. Статья эта, написанная в ссылке, разоблачает реакционные измышления народников об отходе «учеников» (учеников Маркса) от «наследства», т. е. от революционно-демократических традиций русской общественной мысли.

В этой статье, мастерски обходя цензурные рогатки (статья была предназначена для легальной печати), Ленин дал четкую, законченную характеристику идеологии просветительства 60-х годов. По определению Ленина, первая характерная черта просветителя — это горячая вражда к «крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области».

«Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта „просветителя“ это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты, — заключает Ленин, — и составляют суть того, что у нас называют „наследством 60-х годов“, и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет*» (т. 2, стр. 472).

Свое рассмотрение вопроса об отношении народничества к «наследству» Ленин заканчивает следующим заключением: «Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов *минусом*: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными lamentациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромозило своей романтикой и задержало их полное разрешение» (т. 2, стр. 491—492).

В своей работе Ленин дал блестящую характеристику отношения марксистов и народников к «наследству» 60-х годов. Ленин показал, что действительными «наследниками» революционных демократов 60-х годов являются *только* русские марксисты, возглавляющие революционную борьбу против самодержавия и остатков крепостничества.

«В конце концов, — писал Ленин, — мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что *ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники*» (т. 2, стр. 493). «Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством», — замечает Ленин (т. 2, стр. 494). Принимая наследство, марксисты дополняют его «анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозьяных производителей» и «не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического

- 21 -

хозяйства, именно бесхозьяных производителей»¹ (т. 2, стр. 493). И общим выводом из всей работы Ленина является вывод о том, что с традициями 60-х годов порывали не марксисты, а народники, которые под флагом защиты и охраны «наследства» выступали против осуществления лучших его заветов.

Так, Ленин в борьбе с народниками обосновывал принципы марксистского мировоззрения, выработывал линию борьбы пролетариата за революционное преобразование всех сторон общественной жизни. Вопросы, выдвигавшиеся Лениным, были всегда подчинены задачам соединения марксизма с рабочим движением, утверждения ведущей роли пролетариата в деле освобождения России, вооружения его передовой революционной теорией. В связи с этими задачами Ленин обращался в 90-е годы и к вопросам литературы, критикуя вредные для революции взгляды народников в этой области.

3

В. И. Ленин, разрабатывая стратегию и тактику революционной борьбы пролетариата, борясь с либеральным народничеством, «легальным марксизмом», «экономистами», выдвинул задачу организации боевой партии рабочего класса, партии нового типа, через посредство общерусской нелегальной политической газеты.

Эта ленинская идея блестяще воплотилась в жизнь.

В декабре 1901 года вышел первый номер «Искры» с эпиграфом, взятым из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя!». «Искра» сыграла решающую роль в подготовке II съезда партии, состоявшегося в 1903 году и положившего начало общерусской революционной марксистской партии рабочего класса.

«Искра» была могучим средством идейного и организационного сплочения партии и вела борьбу за взгляды революционной социал-демократии против оппортунистических элементов. Эта газета уделяла немалое внимание также вопросам культуры и литературы. Она осуществляла и в этой области общие ленинские установки, согласно которым пролетариат, сохраняя самостоятельность своих политических позиций, должен быть представителем всех прогрессивных сил, должен «объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом» (т. 4, стр. 331).

Ленинская «Искра» систематически обличала самодержавие в стремлении задушить русскую литературу полицейскими ограничениями, в нетерпимости к малейшему проявлению в литературе свободной мысли, в покровительстве черносотенно-погромной прессе. В нескольких номерах газета подробно писала о волне общественного протеста, вызванной высылкой Горького из Нижнего-Новгорода.² Широко сообщала газета об

откликах в среде пролетариата и в демократических слоях русского общества на отлучение Толстого от церкви.³ Ленинская «Искра» умело разъясняла политический смысл каждого связанного с литературой и отразившегося на ее страницах

- 22 -

события, будь то репрессии по отношению к писателям,¹ отмена выборов Горького в почетные члены Академии Наук² или демонстрация по поводу запрещения отмечать 40-летие со дня смерти Добролюбова.³

Освещение классовой борьбы в области культуры входило в то разностороннее политическое воспитание, которое давала своим читателям ленинская «Искра».

На ее страницах разоблачались реакционные попытки отгородить культуру от политической борьбы, подменить революционную борьбу культуртрегерством и пропагандировалась идея культуры, способствующей народному освобождению. Показательно напечатание в «Искре» (1902, № 22, июль) прокламации «Союза свободных художников», где призыв к политической свободе сочетался с отрицанием «абстрактного искусства», чуждого общественных тенденций. Поддерживая политические протесты и обличения, которые шли из среды демократической интеллигенции и, в частности, из среды писателей, «Искра» разоблачала нерешительность, компромиссность, трусливость либералов. «Искра» доказывала, что сила демократического движения только в союзе с пролетариатом. «...мы считаем необходимым, — писал Ленин еще в 1900 году, — стремиться к тому, чтобы сделать наши органы (речь шла о «Заре» и «Искре», — *Ред.*) общедемократическими органами, — не в том смысле, чтобы мы хоть на минуту соглашались забыть о классовом антагонизме между пролетариатом и другими классами, не в том смысле, чтобы мы допускали хоть малейшее затушевывание классовой борьбы, — нет, а в том смысле, чтобы мы выдвигали и обсуждали *все* демократические вопросы, не ограничиваясь одними узко пролетарскими вопросами, выдвигали и обсуждали все случаи и проявления политического гнета, показывали связь между рабочим движением и политической борьбой во всех ее формах, привлекали всех честных борцов против самодержавия, каких бы взглядов они ни были, к каким бы классам они ни принадлежали, привлекали их к поддержке рабочего класса, как единственной революционной и бесповоротно враждебной абсолютизму силы» (т. 4, стр. 304—305). Литературное движение, конечно, было лишь одной из многочисленных сторон общественной жизни, находивших освещение в «Искре», но ленинская установка на привлечение всех честных борцов против самодержавия, к поддержке рабочего класса проводилась и здесь, в освещении фактов литературной борьбы.

Линия, которую проводила «Искра», была резко направлена против оппортунистических установок экономистов, считавших, что рабочие должны вести только экономическую борьбу и что политическая борьба во всех областях общественной и культурной жизни — дело либеральной буржуазии.

Итак, уже ленинская «Искра» ставила те вопросы культурного развития и литературного движения, которые с большей широтой встали перед партией в период первой русской революции 1905—1907 годов.

«Первая русская революция представляет целую историческую полосу в развитии нашей страны... За каких-нибудь три года революции (1905—1907 гг.) рабочий класс и крестьянство получают такую богатую

школу политического воспитания, какую не могли бы они получить за тридцать лет обычного мирного развития».¹

Ленин и его единомышленники задолго до революции предвидели ее наступление и обличали оппортунистов, не веривших в близость массового штурма. Когда «рабочеделец» Мартынов обвинил «Искру» в «революционном фантазерстве», Ленин ответил ему в книге «Что делать?» словами Писарева о революционной мечте, усиливающей энергию трудящегося человека и позволяющей «забегать вперед», т. е. предвидеть реальное осуществление своих планов. Гениальное предвидение Лениным народной революции оправдалось.

Революция 1905—1907 годов, явившаяся, говоря словами Горького, также «актом великого культурного значения»,² усилила в народных массах тягу к книге, к просвещению. С небывалой резкостью обнажилось противоречие между стремлениями народа к образованию и ничтожностью мероприятий царского министерства народного просвещения. По вопросам культуры, литературы и искусства стали все чаще появляться статьи партийных литераторов и рабочих корреспондентов в большевистских газетах.

Большими тиражами распространялись среди демократических читателей произведения художественной литературы и публицистики.

Вопросы культуры могли быть решены в интересах пролетариата и всего народа лишь в общей связи с задачами революционной борьбы. Условия создания новой культуры могли быть завоеваны только победой диктатуры пролетариата. Ленин указывал: «Мы дожили до революции. Времена одного только литературного давления уже прошли» (т. 9, стр. 235), и в другом месте: «...просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества» (т. 10, стр. 228).

Этими своими принципами ленинская теория культуры была противопоставлена стремлениям либеральной буржуазии подменить революцию так называемыми «культурными задачами». На страницах кадетской прессы в 1905 году воскресла термидорианская легенда о том, что народная революция якобы несет с собой разрушение культуры (статьи П. Виноградова, Струве, Изгоева, Бердяева, Философова, Мережковского, Милюкова и др.). Основным органом кадетов, преимущественно посвященным вопросам культуры, был еженедельник «Полярная звезда», выходивший в Петербурге в 1905—1906 годах. В первом же номере этот, по выражению Ленина, «образцовый орган реакционного брюзжанья» (т. 10, стр. 239) заявил, что революция в России неизбежно связана с упадком культуры. Венцом этой контрреволюционной пропаганды явилась напечатанная там же статья Д. Мережковского под вызывающим заголовком «Грядущий хам».

Либеральная буржуазия стремилась «доказать», что пролетариат не может претендовать на самостоятельную роль ни в политике, ни в вопросах культуры, так как он «не имеет культурных традиций». Ленин предвидел, что «эта тактика будет обосновываться, защищаться, оправдываться всем богатым идеологическим багажом „научных“ исследований».³

„философских“ туманностей, политических (или политиканских) пошлостей, „литературно-критических“ взвизгиваний (à la Бердяев) и т. д., и т. д.» (т. 10, стр. 204—205). Работа Ленина, упоминающая о бердяевских «„литературно-критических“ взвизгиваниях», датируется концом марта 1906 года и, без сомнения, имеет в виду статью Н. Бердяева «Революция и культура» в журнале «Полярная звезда» (1905, № 2). В этой статье Н. Бердяев всячески старался убедить читателей, что русская культура принадлежит не народу, а... «идеалистическим либералам».

В целом ряде статей и писем 1905—1907 годов Ленин указывал на возросшую роль печатного слова в партийной организации и воспитании масс. Много внимания Ленин уделял развитию партийной печати и организации издательской работы.

В своих указаниях об агитации и пропаганде Ленин продолжал ту же линию, которую он развивал еще в 90-х годах; в частности, он резко протестовал против создания для рабочих какой-то особой, «популярной» литературы, рассчитанной на уровень «рабочего-середняка». В письме партийным организациям от 12 декабря 1904 года он писал: «К идее отделения рабочего («популярного») органа и общего — руководящего — интеллигентского мы относимся очень скептически: мы хотели бы, чтобы социал-демократическая газета была органом всего движения...» (т. 7, стр. 492).

С большим одобрением относился Ленин к широкому распространению в массах классической литературы. Вспоминая известные стихи Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», начинающиеся словами: «Придет ли времячко...», Ленин впоследствии писал о 1905—1907 годах:

«Желанное для одного из старых русских демократов „времячко“ пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *базарным* продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература...» (т. 18, стр. 286).

Партийная пресса в период первой русской революции все более и более усиливает внимание к вопросам литературы. Резолюция, принятая на съезде литераторов-пропагандистов — группы, образованной при ЦК РСДРП, — отмечает желательность беллетристических приложений к газете «Рабочий». Там же указывается на необходимость использования для пропаганды среди рабочих художественной литературы и приводится примерный список рекомендуемых произведений.¹ Газета «Вперед», а затем «Пролетарий» и «Новая жизнь» отмечают на своих страницах активизацию литературно-политического движения, приводят факты, говорящие о сочувствии русской революции не только многих русских, но и ряда западноевропейских писателей.²

Все эти вопросы приобретали еще большее значение в связи с перспективой издания легальных большевистских газет и журналов. Литература и публицистика как могучее средство воспитания народа должны

были в максимальной степени быть освобождены из-под опеки либеральной буржуазии и вовлечены в сферу непосредственного воздействия большевистской партии, в сферу влияния идей марксизма.

Разоблачение сущности и предательской роли кадетов как либерально-монархической партии имело огромное историческое значение. Важность борьбы с кадетами, разоблачения их, усиливалась тем, что кадеты развращали сознание масс, а меньшевики были пособниками кадетов, стали на деле буржуазными агентами в рабочем классе. Эсеры и энесы (так называемые народные социалисты) были проводниками кадетской идеологии среди крестьянства. Все это осложняло борьбу с кадетами, которую неуклонно и последовательно вела партия большевиков.

В этой борьбе немалое внимание партия большевиков уделяла разоблачению реакционных кадетских идей и в области культуры.

Кадеты предпринимали всевозможные меры для того, чтобы овладеть литературным движением и развернуть массовую литературно-агитационную работу. Еще 2 ноября 1904 года совет либерально-монархического «Союза освобождения» решил в числе других мероприятий «земской кампании» поднять кампанию за образование союзов профессоров, адвокатов, писателей и других лиц свободных профессий. На одном из первых заседаний того же совета было вынесено специальное постановление о развертывании работы силами кадетской партии в Московском литературно-художественном кружке, об увеличении количества «общедоступных» лекций. Делались попытки завязать прямые связи с рабочими. «...либералы, — говорил на III съезде РСДРП Воровский, — особенно после 9 января начали усиленно заводить связи в рабочей среде и пытаются захватить руководство пролетарским движением в свои руки». ¹ Один из организаторов «Союза освобождения», князь Д. Шаховской, обратился к интеллигенции с призывом: «Широкое распространение литературы, беседы, лекции, собрания — все должно быть пущено в ход, чтобы разъяснить народу его новые права и помочь ему разобраться в средствах борьбы с его старыми недугами». Кадеты развернули бешеную агитацию путем распространения брошюр и листовок. Кроме того, к услугам кадетов были многочисленные газеты, от «Речи» до «Нашей жизни», «Сына отечества», «Товарища», и ряд журналов. Лживая либеральная публицистика господ балалайкиных ставила своей задачей развратить сознание масс. Большевицкая печать беспощадно вскрывала буржуазную классовую сущность кадетской пропаганды, звала к решительному революционному штурму. «Впервые в русской истории, — отметил Ленин, — свободно появились в Петербурге и других городах революционные газеты. В одном Петербурге выходило три ежедневных социал-демократических газеты с тиражом от 50 до 100 тысяч экземпляров» (т. 23, стр. 240).

Общественно-литературная борьба периода революции 1905—1907 годов была чрезвычайно сложной и своеобразной. Предательская тактика либеральной буржуазии в этой революции и руководящая роль пролетариата в борьбе с царизмом, — все это заставляло по-новому ставить вопрос о политическом самоопределении интеллигенции и в том числе художественных ее кругов. Поддерживать буржуазию в русской буржуазно-демократической революции означало предавать интересы революции.

Русская буржуазия по отношению к самодержавию играла жалкую, лакейскую роль, была прислужницей царизма.

В период 1905—1907 годов сказалось огромное влияние революции на самые различные слои общества. Партия как представитель и руководитель самого революционного класса оказывала все большее и большее влияние на ход литературного движения 1905—1906 годов. Необходимо было сформулировать принципы литературной политики партии на

этом этапе. Расширились задачи идеологического воздействия на прогрессивных писателей, задачи борьбы с теми писателями, которые преследовали враждебные пролетариату цели, прикрываясь социалистическим знаменем, задачи строгой охраны самостоятельности партии, чистоты ее идеологических позиций. В этот период и была написана статья Ленина «Партийная организация и партийная литература». Выше уже говорилось об основополагающем значении этой статьи для марксистской эстетики, для понимания роли литературы. Исключительно велико было значение статьи в той конкретно-исторической обстановке, когда она была написана.

Эту статью Ленин опубликовал в «Новой жизни» вскоре после своего приезда в Петербург. Ленин выдвинул здесь новые принципы литературного развития, продиктованные новыми историческими условиями. Ленин считал, что уже частичная победа демократической революции открывала возможность для развития и проведения в жизнь принципа партийной литературы. Отошла в прошлое проклятая пора «идейного крепостничества», пора вынужденных недомолвок «людей, желавших выразить (в подцензурной печати, — *Ред.*) партийные взгляды», отпали всякого рода «уродливые союзы, ненормальные „сожительства“, фальшивые прикрытия» (т. 10, стр. 26). В последних словах Ленина подразумевалось имевшее место до революции 1905—1907 годов сотрудничество партийных литераторов в журналах, марксистски недостаточно выдержанных, ибо иной трибуны для легальной пропаганды марксизма не было. С другой стороны, и в журналы, задуманные как марксистские, приходилось, в целях усыпления бдительности цензуры, привлекать литераторов, ничего общего с марксизмом не имевших. Теперь же, указывал Ленин, «социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме» (т. 10, стр. 27).

Статья Ленина посвящена двум вопросам: 1) о партийной литературе, т. е. о литературе, целью которой является разработка и пропаганда теоретических, политических, организационных основ большевистской партии, и 2) о партийности литературного творчества в широком смысле, т. е. о социалистической идейности писателя, его открытой связи с революционной борьбой пролетариата.

Что касается первого вопроса, то Ленин развил здесь тезис, сформулированный им ранее, о том, что «вся партийная литература, как местная, так и центральная, должна быть безусловно подчинена и партийному съезду, и соответствующей центральной или местной организации партии. Существование партийной литературы, не связанной организационно с партией, не допустимо» (т. 9, стр. 144). В связи с этим Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература» требовал изгнания из партийной прессы литераторов, которые «пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов» (т. 10, стр. 29). Следует отметить, что для этого заявления Ленина был конкретный повод. Поэт Н. М. Минский (Виленкин), числившийся по цензурно-тактическим соображениям редактором «Новой жизни», до приезда Ленина в Петербург поместил две заметки, где вскользь высказывал пожелание о соединении мистики

с «доктриной» социал-демократии. Все это было, конечно, недопустимым, особенно в органе большевистской партии. После приезда Ленина в Петербург положение в «Новой жизни» круто изменилось и больше таких инцидентов там, конечно, не было.

Второй вопрос, который освещен в статье Ленина, касается литературного творчества как такового. По мысли Ленина, литература должна стать открыто связанной с пролетариатом,

она должна служить миллионным народным массам, воспитывать их, пропагандировать великие идеи социализма.

Сложность и своеобразие исторической обстановки, в которой Ленин писал статью «Партийная организация и партийная литература», нашли свое отражение и в литературной борьбе.

В статье Ленина буржуазная «свобода творчества» впервые глубоко раскрывается не только как пропаганда «искусства для искусства», но и как «барский анархизм» или «буржуазно-анархический индивидуализм», т. е. как стремление выдвинуть беспартийность в качестве принципа, без которого якобы невозможно подлинное развитие искусства. Революция 1905 года обнажила до конца всю пустоту рассуждений о возможности изоляции художественного творчества от жизни, от политики, от борьбы. В то же время весьма популярным был в литературе лозунг беспартийной революционности, который на деле был лозунгом буржуазным, так как отстранял значительные слои демократической интеллигенции от участия в борьбе пролетариата за социализм. Что это было именно так, подтверждается литературной политикой кадетской партии. Тактика кадетской партии в области литературы свидетельствует о прямой заинтересованности кадетов в пропаганде лозунга беспартийности среди писателей и о том, что выдвижение этого лозунга было продиктовано нежеланием широкого распространения идеи партийности искусства. В 1906 году Струве писал: «Существенное отличие нашей партии от известного типа партий... заключается... в том, что наша партия есть партия *не классовая*... поверх классовых делений, над ними, и в глубине, под ними она находит интересы и идеалы общечеловеческие». Эти лицемерные фразы, маскирующие принадлежность Струве «к партии эксплуататоров» (Ленин), наполняют и его писания о литературе и эстетике. В другой статье, защищая идею «беспартийности» в искусстве, Струве утверждал: «Не поэзия нуждается в том, чтобы её вдвинули в гражданскую рамку. Нет, наоборот, политическая борьба... нуждается в том, чтобы осознать её, как одну из сторон великого и вечного, несомненного, поэтического».

В декларации выходившего под редакцией Струве кадетского еженедельника «Полярная звезда» указывалось: «Наш журнал не может быть партийным в тесном, политическом смысле слова». В этом журнале с прискорбием констатировалось, что «теоретическая мысль слишком легко принимала партийный характер», выставлялись лицемерные требования политической нейтральности высшей школы и одновременно высказывалось «сомнение» в том, что «нежное и молодое растение свободного художественного творчества» сможет пережить «ужасы» революции. Можно, однако, констатировать, что и в эти годы ни один буржуазный орган не смог (да и не мог, конечно) сохранить видимость «беспартийности».

Из всего этого становится ясным политический смысл борьбы большевистской партии с буржуазной идеей беспартийности, надклассовости литературы.

Разоблачая истинный смысл буржуазно-анархического индивидуализма и литературе, Ленин предвидел, что лозунг партийности художественного

творчества вызовет обвинение со стороны буржуазных литераторов в «покушении на свободу творчества». Слова о том, что пролетариат создает литературу, свободную от буржуазно-анархического индивидуализма, «покажутся, — как иронически отметил Ленин, — парадоксом... Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий

сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество!». Эти обвинения Ленин заранее отверг в следующих двух тезисах: «Во-первых, — говорил он, — речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю». А партия вольна «прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов». Второй тезис посвящен уже партийности литературного творчества вообще. По адресу буржуазных индивидуалистов, пропагандировавших идею «абсолютной свободы», Ленин писал: «Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза... Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания». И Ленин призывал к тому, чтобы «лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу» (т. 10, стр. 29, 30).

Ленин предсказал, что найдутся буржуазные индивидуалисты, которым лозунг партийности литературы покажется «омертвляющим», «бюрократизирующим» свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. п. И в самом деле, статья Ленина вскоре после напечатания вызвала смятение в буржуазно-либеральной и символистской прессе, т. е. в тех литературных кругах, позиция которых была полностью разоблачена в ленинской статье. Статьи буржуазных публицистов (Философова, Мережковского, Бердяева и др.), выступивших в защиту «абсолютной свободы» художника, были проникнуты яростной злобой по отношению к пролетариату. Все это, разумеется, лишь доказывало правоту Ленина. С защитой «абсолютной свободы» выступил в «Весах» В. Брюсов, в своих «доказательствах» достигший обратной цели. «Свободу художника» в буржуазном обществе Брюсов видел в праве на... голод и лишения. Но эти примеры, конечно, лишь иллюстрировали слова Ленина о зависимости художника от буржуазной публики.

Защита Лениным действительной свободы литературы и искусства от власти капитала имела в условиях буржуазно-демократической революции не только общее теоретическое, но и вполне конкретное историческое значение. Буржуазно-демократический строй, освобождая литературное развитие от стеснявших его пережитков феодально-крепостнической системы, в то же время грозил литературе новым порабощением.

Известно, что русские капиталисты-меценаты, любившие щеголять своим покровительством «новым веяниям» в искусстве, грубо ограничивали свободу писателей во всех случаях, когда их инициатива зависела от «денежного мешка». Тот же Брюсов в неопубликованном письме к Сологубу от 31 августа 1907 года так характеризует облик Н. П. Рябушинского, крупнейшего московского капиталиста и банкира, основателя издательства «Скорпион» и журнала «Золотое руно»: «...на этом совещании (речь идет об одном редакционном совещании, — *Ред.*) выяснилось окончательно, что отношения Рябушинского к своим сотрудникам и к писателям вообще таковы, что исключают возможность участия в его журнале для людей, себя уважающих. Не хочу приводить всего сказанного им, но вот

две фразы, которые он повторял несколько раз с ударением: „Неужели я не могу *отказать* своей *кухарке*, без того чтобы в это дело вмешались «Весь»?“, и: „Я вполне убедился, что писатели — то же, что проститутки: они отдаются тому, кто платит, и, если

заплатить дорожке, позволяют делать с собою что угодно“». Эти заявления Рябушинского прекрасно иллюстрируют отношение буржуазии к искусству.

В откликах на статью Ленина кадетская пресса злобно извращала её содержание, утверждая, что лозунг партийности литературы обязывает художника создавать произведения согласно «предписанным», противоречащим его убеждениям установкам. И Мережковский, и Философов, и Бердяев намеренно игнорировали понимание Лениным партийности как сознательного выражения добровольного, свободного союза сторонников социализма. Они игнорировали также содержащееся в ленинской статье предостережение от «административного понимания» лозунга партийности, от шаблона, схемы, нивелирования в литературном деле. «...В этом деле, — писал Ленин, — безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию» (т. 10, стр. 28).

Свобода индивидуального творчества и партийность литературы, как показал Ленин в своей статье, — понятия, несколько не противоречащие друг другу. Это положение Ленина, казавшееся столь парадоксальным буржуазным писателям и публицистам, по-новому продолжает лучшие традиции классиков русской революционно-демократической критики и художественной литературы. Белинский вскрыл, впервые в истории мировой эстетической мысли, политическую реакционность теории «чистого искусства». Вслед за ним Чернышевский и Добролюбов обосновали идею великой роли искусства в общественном развитии. В то время как буржуазная западноевропейская эстетика питалась (и теперь питается) мыслями Канта о незаинтересованности эстетического суждения, в русской эстетике еще в 40—60-х годах были подвергнуты основательнейшей критике идеалистические построения в этой области. Насквозь лживыми были традиционные упреки идеологов реакции по адресу представителей революционно-демократической литературы в том, что их борьба с теорией «чистого искусства» означает отказ от свободного индивидуального творчества.

Ленин был непримирим к литераторам, которые, прикрываясь фразами об абсолютной свободе творчества, хотели засорять сознание рабочих буржуазными идеями. В этих условиях статья «Партийная организация и партийная литература» подчеркнула связь лозунга партийности с пролетарской борьбой за свержение капитализма, за революцию социалистическую. И когда либеральный публицист Иоллос заявил в «Русских ведомостях»: «...можно принести пользу народу и вне известных партийных рамок», Ленин ответил ему: «Это правда, конечно. Но что сказать о писателе, который в эпоху отчаянной партийной борьбы в России принимается хвалить беспартийность? Неужели не понимает г. Иоллос, что он совершает этим величайшую политическую бестактность, играя наруку нововременству?» (т. 9, стр. 292). Любопытно, что в той же своей статье Иоллос советует пролетариату отказаться от социализма и заявляет, что главное в современной революции — «в осуществлении задач культуры». Так расшифровывается лозунг беспартийности в статье кадетского журналиста.

Большевистская пресса широко пропагандировала ленинское понимание принципа партийности и разоблачала буржуазную, лицемерную идею «беспартийности». В статье «Беспартийные чудачки», напечатанной в газете

«Звезда», И. В. Сталин подверг критике буржуазных «беспартийных прогрессистов», которые незадолго до пропаганды «беспартийности» увлекались идеологией, выраженной

в романе Арцыбашева «Санин» и декадентской литературе. «Беспартийный прогрессизм вошёл в моду, — писал Сталин. — Такова уж природа русского интеллигента — ей нужна мода. Увлекались санинством, занимались декадентством, — теперь очередь за беспартийностью» (т. 2, стр. 229).

Итак, борьба с мнимой буржуазной «беспартийностью» явилась необходимым требованием пролетарской социалистической революции. Весь ход развития большевизма характеризуется тем, что он завоевывает на свою сторону всех честных, действительно преданных родине и народу беспартийных трудящихся, в том числе представителей интеллигенции. Под давлением хода событий из примыкавших к революции литераторов вырабатывались сначала демократические помощники пролетариата в его борьбе, а затем и сознательные проводники ленинских идей в своей литературной деятельности. Кратковременность первой русской революции и ее поражение помешали проведению этих большевистских принципов в достаточно широких масштабах. Принципы эти получили свое наиболее полное осуществление после Октября 1917 года.

Коренные изменения отличают понимание принципа партийности литературы теперь, в условиях победившего социализма, от понимания этого же принципа в 1905 году. Поскольку партийные и беспартийные писатели объединены теперь в общий коллектив советских людей и творят одно общее дело, постольку и те и другие стремятся сознательно воплотить в своем творчестве великие идеи борьбы за коммунизм. Партийность писателя выражается в том, насколько глубоко и правильно он раскрывает в типических образах сущность изображаемых явлений советской действительности и тем самым помогает победе нового, передового, способствует уничтожению старого, отмирающего. В процессе типизации происходит отбор существенных черт, отделение их от случайных и несущественных и, следовательно, оценка явлений (в конечном счете всегда политическая). К искусству социалистического реализма полностью относится содержащееся в статье Ленина «Партийная организация и партийная литература» и обращенное к писателям пролетариата требование открыто и сознательно пронизать литературное творчество социалистической идейностью.

В период революции 1905—1907 годов благотворное влияние большевистской партии на развитие пролетарской культуры проявилось с особенной яркостью в творческой деятельности Горького. При изучении творческого пути великого писателя пролетариата, основоположника социалистического реализма, становится очевидным, что уже к этому времени можно отнести слова В. М. Молотова: «Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя».¹

Горький в силу жизненного опыта, в силу своей теснейшей связи с пролетариатом и революционной борьбой, тянулся к большевистской партии.

В одном из перлюстрированных царской полицией писем партийных работников Горькому посвящены следующие строки: «Мне было крайне отраднo слышать, что его симпатии лишь на нашей стороне. „Освобождение“ он читал один лишь 1-й номер и больше не желает видеть подобную

пакоcть, социалистам-революционерам тоже не сочувствует, единственным органом, заслуживающим уважение, талантливым и интересным находит лишь „Искру“ и нашу организацию самой крепкой и солидной. Очень хочет познакомиться ближе с нашим

направлением, нашими всеми изданиями и практической нашей работой, и так как его сочувствие лишь на нашей стороне, то он и хочет помогать нам чем может».¹ Сам Горький впоследствии вспоминал:

«Подлинную революционность я почувствовал именно в „большевиках“, в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ним».²

Своими реалистическими рассказами, пронизанными острой ненавистью к капитализму, своей поэтизацией нового человека — сильного, смелого, свободного от предрассудков, Горький служил делу пролетарской революции еще задолго до того, как полностью осознал это. Но по мере сближения писателя с борьбой пролетариата, с партией углублялось и идейное содержание его творчества.

Произведения Горького 1905—1907 годов — «Дети солнца», «Варвары», «Враги», «Мать» — силой художественных образов утверждали правоту идей пролетарской революции, обличали обывательски настроенную интеллигенцию, подвергали острой критике психологию либерализма, вселяли уверенность в грядущую победу социалистического идеала. Этим же задачам были подчинены и публицистика Горького, направленная против царского правительства, а также против западноевропейской и американской буржуазной «демократии», и его статьи, призывавшие зарубежных рабочих поддержать русскую революцию, и его фельетоны, в которых он разоблачал «буржуазных предателей свободы». Слово буревого революционера, воплощенное в его художественных произведениях, прокламациях, памфлетах, имело громадное влияние на общественное мнение не только России, но и всего мира.³

Поистине эпохальное значение имела горьковская повесть «Мать», ознаменовавшая собой начало нового этапа в развитии мировой литературы, впервые показавшая пролетариат в качестве движущей силы истории, призванной изменить мир. На V съезде партии Ленин сообщил Горькому свое мнение о повести и указал на ее большое воспитательное значение. Большую пользу делу пролетарской революции принесла и пьеса Горького «Враги» (1906), утверждавшая неизбежность победы рабочего класса, разоблачавшая обывателей и мещан, едко клеймившая либеральную буржуазию.

Влияние на Горького всего богатства идей ленинизма потому и могло проявиться так действительно, что горьковское творчество явилось отражением мощи русского и мирового пролетарского движения. Органическая связь Горького с помыслами и чаяниями пролетарских масс — вот что давало Ленину основание считать Горького крупнейшим представителем пролетарского искусства.

4

Революция 1905—1907 годов потерпела поражение. Задачи большевиков теперь заключались в том, чтобы готовиться к новому подъему революционной борьбы. Царское правительство пыталось казнями, расстрелами,

- 32 -

каторгой, карательными экспедициями уничтожить революционное движение.

В период реакции на страницах буржуазной прессы усилился поход против революционных идей, против материализма, против великих традиций передовой русской культуры, велась разнузданная пропаганда идеализма и мистики. Отвратить массы от

революции — такова была общая цель всех врагов марксизма и всех противников демократии.

В тягчайших условиях столыпинской реакции большевики неустанно отстаивали теоретические, организационные, тактические принципы марксизма, разоблачали идеологическое наступление политической реакции на рабочий класс и его мировоззрение, вскрывали всевозможные ухищрения врагов и изменников революции, стремившихся распространить в массах свои тлетворные идейки и «теории».

После поражения революции с еще большей отчетливостью проявилась контрреволюционность кадетов. Вышедший в 1909 году сборник «Вехи» явился программным манифестом контрреволюционной буржуазии по вопросам политики, философии, литературы, искусства и т. п.

Исчерпывающую характеристику «энциклопедия либеральной ренегатства» получила, как известно, в статье Ленина «О „Вехах“». В других статьях 1909—1914 годов Ленин не раз возвращается к этому вопросу, дополняя и развивая свою оценку позиций авторов сборника, а также развернувшейся вокруг него полемики.

Сборник свидетельствовал, что после революции 1905—1907 годов в облике либералов всё в большей степени сказывалось сочетание контрреволюционного ренегатства в политике с идеализмом в области философии и с приверженностью к «чистому искусству» и декадентству в области литературно-эстетической. Авторы сборника — кадетские публицисты Бердяев, Булгаков, Гершензон, Кистяковский, Струве, Франк, Изгоев — отрекались от русской революции 1905—1907 годов и обливали ее помоями, открыто выражая свои симпатии самодержавию и свою вражду к народным массам, призывали народ к «смирению» и «послушанию».

Третируя все лучшие традиции передовой русской культуры, традиции Белинского, Добролюбова, Писарева, Щедрина и других, веховцы пресмыкались перед буржуазной псевдокультурой Западной Европы. С подобострастием говорилось в сборнике «Вехи» о том, что на Западе процветает «нормальный капитализм», «нормально» развивается «культура», что там рабочий якобы не занимается революциями и следует по пути «нормального прогресса». Политическую сущность выступления веховцев Ленин охарактеризовал как либеральное ренегатство. Реакционные политические идеи сплетались в «Вехах» с борьбой против материализма в философии и реализма в искусстве, с защитой «чистой» культуры, «чистой» науки и «чистого», свободного от «гражданственности» художественного творчества.

Развернувшаяся в 1909 году борьба Ленина против «Вех» имела первостепенное значение для защиты идейных основ русской демократии — передовой русской философии, публицистики и литературы.

Как показал Ленин в своем анализе программы «Вех», демократические и материалистические идеи вызывали ярость авторов сборника именно потому, что они являются знаменем и выражением всякого широкого демократического движения масс. История передовой русской публицистики, как подчеркивал Ленин в статье «О „Вехах“», связана с протестом и борьбой «самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни...» (т. 16, стр. 108). Вот

почему вся демократическая русская публицистика, начиная с Белинского, так поносила в «Вехах».

Разоблачая веховцев, Ленин писал: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» (т. 16, стр. 108).

«Программа „Вех“ и „Московских Ведомостей“ одинакова и в философии, и в публицистике», — заключал Ленин (т. 16, стр. 108).

Вокруг «Вех» либералы затеяли «полемику». Иллюзии, будто дискуссия либералов вокруг «Вех» имеет принципиальную основу, всё же существовали в то время, и этому в немалой степени способствовали меньшевики.

Ленин же до конца вскрыл полное отсутствие принципиальных расхождений между веховцами и полемизировавшими с ними либералами. Кадетское отречение от «Вех» он охарактеризовал как «одно сплошное лицемерие, одно безысходное празднословие» (т. 16, стр. 113). «Милюков и К^о недовольны *только* грубостью и прямолинейностью веховцев, *только* тем, что веховцы портят их дипломатию...» (т. 16, стр. 119).

Ленин показал, что «Вехи» явились наиболее ярким, но отнюдь не единственным выражением буржуазного ренегатства. В «Заключении» к сборнику «Марксизм и ликвидаторство» Ленин определил «веховство» как ликвидаторство, но наряду с этим он отмечал и другие формы ликвидаторства, в частности ликвидаторские выступления левонароднического журнала «Почин», контрреволюционные романы Савинкова-Ропшина, напечатанные в «Русской мысли» («Конь бледный») и «Заветах» («То, чего не было»),¹ и статьи литературного адвоката Савинкова В. Чернова. Духом веховщины, как показал Ленин, веяло от писаний меньшевистских литераторов.

В ряде ленинских замечаний о ежемесячном легальном журнале ликвидаторов «Наша заря» (выходил в 1910—1914 годах) раскрывается прямая связь меньшевистского ликвидаторства с веховством и в плане непосредственно политическом, и в вопросах культуры и литературы. В статье «Марксизм и „Наша заря“» Ленин писал, что «ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины» (т. 17, стр. 38).

«Наша заря» стремилась в тон веховцам ликвидировать самостоятельность пролетариата во всех областях общественной жизни. В этом смысле Ленин и говорил о писаниях авторов журнала:

«Бывают такие литературные выступления, все значение которых состоит в их геростратовском характере» (т. 17, стр. 39).

Эти слова Ленина можно распространить и на статьи Потресова о литературе, печатавшиеся в «Нашей заре». Потресов клеветнически утверждал, что якобы не только не существует пролетарской литературы, но нет в литературе даже ничего, хотя бы в отдаленной степени отражающего «психику пролетарского движения». Горький, великий, всемирно известный художник пролетариата, Потресовым в счет вообще не принимался. Реакционными были и взгляды «Нашей зари» на «культуру» классиков. За ней признавалось главным образом негативное значение, ибо она, будучи «нетленной, играет роль и великой укрывательницы буржуазного духа». Таким образом, «Наша заря»

пыталась внушить читателю вывод: пролетарской литературы нет, а старая литература для пролетарской

- 34 -

интеллигенции — только «суррогат ей нужного творчества». В этом смысле писал Потресов о «трагедии» пролетарской культуры и литературы. Ленин пронизательно увидел за этими витиеватыми рассуждениями Потресова стремление утвердить во всех областях общественной жизни гегемонию буржуазии, политически и идейно обезоружить пролетариат.

Готовя массы к новому, решительному революционному штурму после поражения первой русской революции, партия учила их революционной теории на опыте борьбы русского пролетариата и всей предшествующей передовой общественной мысли. Первая русская революция приобщила огромное количество новых людей из народа к политической жизни. «Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, — писал Ленин, — тогда теоретическая борьба за революционное мирозерцание, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня» (т. 15, стр. 265).

В Кратком курсе истории ВКП(б) так характеризуются попытки буржуазной агентуры в рабочем движении подорвать теоретические основы марксизма:

«Упадочничество и неверие коснулись также одной части партийных интеллигентов, считавших себя марксистами, но никогда не стоявших твердо на позициях марксизма. В числе них были такие писатели, как Богданов, Базаров, Луначарский (примыкавшие в 1905 году к большевикам), Юшкевич, Валентинов (меньшевики). Они развернули „критику“ одновременно против философско-теоретических основ марксизма, то-есть против диалектического материализма, и против его научно-исторических основ, то-есть против исторического материализма. Критика эта отличалась от обычной критики тем, что она велась не открыто и честно, а завуалированно и лицемерно под флагом „защиты“ основных позиций марксизма». ¹ Борьба партии против махистов достигла наибольшей остроты с выходом сборника «Очерки по философии марксизма» (1908) со статьями Базарова, Богданова, Луначарского, Бермана, Юшкевича и др.

«Читаю по целым дням распроклятых махистов», — писал Ленин Горькому в апреле 1908 года (т. 34, стр. 341), сообщая о подготовке своего труда, направленного против русских ревизионистов марксистской философии и против их западноевропейских «учителей» — Маха, Авенариуса и пр. В начале мая 1909 года книга «Материализм и эмпириокритицизм» вышла в свет.

Будучи обобщением итогов развития русской и мировой науки, истории, философии, естествознания, «Материализм и эмпириокритицизм» — крупнейший теоретический вклад во все области культуры.

В 1910 году Ленин заметил по поводу идейной борьбы периода реакции: «В *наше* время в области науки, философии, искусства выдвинулась борьба марксистов с махистами» (т. 16, стр. 185). Борьба марксистов с махистами и по вопросам искусства была составной частью общего разгрома большевистской партией реакционных идеалистических школок, составной частью защиты и дальнейшей разработки марксизма.

Теория отражения, развитая и обоснованная в «Материализме и эмпириокритицизме», является, как известно, и философской основой науки об искусстве. В этом труде Ленин показал, что познание человеком бесконечного разнообразия всех явлений природы и общественной жизни является единым процессом и подчиняется во всех своих фактах единым

- 35 -

гносеологическим законам. Поэтому Ленин, обосновывая теорию отражения, и включил замечания по вопросам эстетики в рассмотрение гносеологических проблем. Не упуская из виду специфики искусства именно как художественного освоения мира, Ленин вместе с тем подчеркивал общность законов теории познания и эстетики. Из ленинского труда следовал ряд важнейших выводов для эстетики, в том числе: об искусстве как о форме отражения объективной действительности; о сложности, противоречивости самого процесса отражения жизни в искусстве; об активности художественного восприятия, т. е. об искусстве как средстве преобразования мира; о практике как критерии истинности художественного изображения; о социальной, классовой обусловленности художественного творчества и эстетического восприятия. Разработка ленинской теории отражения окончательно разрушала также и основы идеалистической эстетики, теории самоценности, автономности искусства, и устанавливала связь материалистической эстетики с целым кругом проблем общественной жизни, исторического развития, политической борьбы.

Враги марксизма клеветнически утверждали, что марксизм якобы не признает роли интеллекта, что учение о материальном происхождении идей якобы обедняет значение идей в историческом процессе. Эти измышления подхватили, применяя их к вопросам литературы и искусства, реакционные эстеты из кадетской «Русской мысли», символистских «Весов» и т. д. Но именно марксизм научно обосновал громадную роль передовых идей в ходе исторического процесса.

Марксистско-ленинская теория отражения направлена и против субъективистов, отрицавших первенствующую роль материальных условий в жизни общества и защищавших, в частности, независимость, автономность «художественного сознания», произвол поэтической фантазии писателя.

Марксистско-ленинская теория отражения вскрыла всю пустоту построений идеалистов, которые, как отметил Ленин, «любят декламировать на ту тему, что они — философы, вполне доверяющие показаниям наших органов чувств, что они считают мир действительно таким, каким он нам кажется, полным звуков, красок и т. д., в то время как для материалистов, дескать, мир мертв, в нем нет звуков и красок, он отличается сам по себе от того, каким кажется, и т. п.». Между тем «для материалиста, — утверждал Ленин, — мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны» (т. 14, стр. 115—116). Конкретные оценки Лениным произведений литературы и искусства, его указания по вопросам искусства подчеркивают, что именно близость к жизни, правильность отражения ее определяют ценность художественного произведения.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин показал, что точка зрения жизни, практики является первой и основной точкой зрения теории познания. Подвергая уничтожающей критике махистскую гносеологию в целом, Ленин коснулся также и взглядов махистов на искусство. Принципиальное значение имеет, в частности, критика Лениным попыток Иосифа Петцольдта, ученика Маха и Авенариуса, утвердить произвол

поэтической фантазии и обосновать реакционную теорию «эстетически устойчивого состояния». Эта сторона ленинской критики махизма с наибольшей полнотой раскрывает сущность эстетической концепции Петцольдта как яркое выражение субъективно-идеалистической трактовки вопросов искусства. В свете ленинской критики западных и русских махистов процесс художественного творчества раскрывается не как пассивное

- 36 -

озерцание, отрешенное от жизни, а как стремление активно воздействовать на действительность. Великое значение «Материализма и эмпириокритицизма» для науки об искусстве заключается в том, что в этом труде всесторонне обоснован принцип партийности всех форм идеологии, принцип практического, общественного характера человеческого познания.

В «Материализме и эмпириокритицизме» вопросы отражения действительности в искусстве не выделены в какой-либо особый раздел; искусство рассматривается здесь Лениным наряду с другими формами познания. И это вполне понятно, поскольку познание бесконечного многообразия всех явлений природы и общественной жизни было для Ленина единым процессом и подчинялось единым гносеологическим законам, хотя и проявляющимся по-разному в различных формах познания (например в художественном творчестве, отражающем жизнь в конкретно-чувственной форме).

Органическая связь теории познания и эстетики обнаружилась в ряде работ, изученных Лениным при создании своей книги. Единство гносеологии и эстетики эмпириокритицизма Ленин подчеркнул при сопоставлении взглядов Богданова, в эти годы занимавшегося главным образом вопросами гносеологии, и Луначарского, для которого интересы в области эстетической были преобладающими.

«Надо быть слепым, — писал Ленин, — чтобы не видеть идейного родства между „обожествлением высших человеческих потенций“ Луначарского и „всеобщей подстановкой“ психического под всю физическую природу Богданова. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической» (т. 14, стр. 330—331). Поэтому труд Ленина в корне подрывал идеалистическую теорию познания в ее приложении к любым областям знания и практики, в том числе в области литературы и искусства.

Основатели эмпириокритицизма Мах и Авенариус, разумеется, нисколько не претендовали на близость к марксизму. Однако русские их ученики старались доказать свою «верность» марксистскому учению. В предисловии к ревизионистским «Очеркам по философии марксизма» хотя и указывалось, что авторы «не связаны единством какой-либо вполне законченной философской системы», но в то же время отмечалось, что сторонниками «научного социализма или марксизма... являются все участники настоящего сборника». На самом же деле «дух» махистской ревизии материализма, прикрытой декларациями о верности марксизму, чувствуется во всех статьях сборника, в том числе и в тех его местах, где затрагиваются литературные или эстетические вопросы. Такова, например, статья В. Базарова «Мистицизм и реализм нашего времени», в которой, как показал Ленин, идеализм представлен в качестве «реализма».

В эстетических высказываниях авторов «Очерков по философии марксизма» явно проскальзывает тенденция наметить платформу развития «пролетарской» культуры (а на деле — культуры, целиком враждебной интересам пролетариата). Главным махистским теоретиком «пролетарской» культуры был один из наиболее активных критиков

марксизма А. А. Богданов, развивший свои эстетические взгляды в целую систему. Махистскую ревизию основ марксизма в области искусства Богданов производил не только в специальных статьях, но и в своих общефилософских работах.

Свою теорию «пролетарской» культуры Богданов, будущий теоретик «Пролеткульта», начал разрабатывать еще задолго до Октябрьской

- 37 -

социалистической революции. В платформе группы «Вперед» (1909), во главе которой он стоял, отмечалось, что «буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку; искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении». Поэтому впередовцы выставили требование «создавать» и «распространять в массах новую, пролетарскую» культуру, «развивать пролетарскую науку», «вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений». Анализируя содержание этой терминологии в «Заметках публициста» (1910), Ленин подчеркнул, что в ней «на деле под „пролетарской философией“ имеется в виду именно *махизм*» и что новая группа, считая «не-махистскую философию не-„пролетарской“», по существу объявляет борьбу «против ...не-махистских теорий в философии и искусстве». «*На деле*, — писал Ленин, — именно *борьбу с марксизмом* прикрывают все фразы о „пролетарской культуре“» (т. 16, стр. 185, 186).

Таким образом, Богданов и его единомышленники, как на это указал Ленин, были проводниками махизма или эмпириокритицизма и в философии и в искусстве. Тот факт, что теоретик «пролетарской» культуры Богданов объявил себя не «эмпириокритиком», а «эмпириомонистом», ничего в сущности не менял. «Эмпириомонизм» Богданова отличался от системы Маха и Авенариуса лишь тем, что в роли творца природы выступает не индивидуальное, а коллективное сознание, «социально-организованный опыт». Суть идеалистической теории познания, которая первоисходным пунктом берет «психическое», полностью сохранилась и в «эмпириомонизме» Богданова. Точно так же, как и у идеалистов солипсистского толка, человек, по взглядам Богданова, — это прежде всего «комплекс непосредственных переживаний».

Богданов и его единомышленники в области искусства эклектически соединяли в своих эстетических теориях махизм с вульгаризаторски извращенными элементами исторического материализма. Ленин показал в «Материализме и эмпириокритицизме», что излюбленные Богдановым внешне марксистские слова «социально-организованный опыт» и «коллективный трудовой процесс» — «это — *только слова*, прячущие идеалистическую философию, которая объявляет вещи — комплексами „элементов“-ощущений, внешний мир — „опытом“ или „эмпириосимволом“ человечества, физическую природу — „производным“ от „психического“ и т. д. и т. п.» (т. 14, стр. 316).

Вульгарно-социологическая ревизия исторического материализма и выдуманная эмпириокритиками теория «особой», «пролетарской» культуры преломилась и в художественных произведениях Богданова — утопических романах «Красная звезда» и «Инженер Мэнни». Ленин читал оба эти романа, и до нас дошли его отзывы о них. В письме М. А. Ульяновой в 1908 году Ленин упоминает прочитанный им «забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowell'я — „Марс и его каналы“».

«Труд научный, — замечает далее Ленин о книге Лоуэлла. — Доказывает, что Марс обитаем, что каналы — чудо техники, что люди там должны быть в $2\frac{2}{3}$ раза больше

здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя или шестью ногами».

Сопоставляя эти фантастические домыслы Лоуэлла с «Красной звездой» Богданова, Ленин иронически замечает по адресу Богданова: «...да, наш автор нас поднадул, описавши марсианских красавиц *неполно*, должно быть по рецепту: „тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий

- 38 -

обман“». [1](#) Несколькими годами позже Ленин отозвался о другом романе Богданова «Инженер Мэнни» как о махистской размазне. [2](#)

Влияние взглядов Богданова на культуру сильно сказалось в годы реакции на работах А. В. Луначарского. Правильность слов Ленина о вредной политической сущности махистских «исканий» Луначарского впоследствии признал, как известно, и сам Луначарский.

Одной из форм борьбы против марксизма явилось и так называемое богостроительство, литературное и религиозно-философское течение, возглавленное Луначарским и Богдановым. В то время идейного разброда и широкого распространения утонченных идеалистических теорий общественно-политическое значение богостроительства было особенно реакционным.

В одном из своих писем к Ленину Горький утверждал: «Бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством, идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм». [3](#) В своем ответном письме Ленин отметил, что «эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского», что подобные представления о боге есть «богдановский *идеализм*, затушевывающий материальное происхождение идей» (т. 35, стр. 92, 93). Ленин с дружеской резкостью последовательно критиковал в своих письмах богостроительские ошибки Горького, его отступления от марксизма. И Горький в своей дальнейшей эволюции пришел, как известно, к твердому убеждению в правильности ленинской критики богостроительства и в развитие его мыслей заявил, что пролетариат, создающий всё своей могучей рукой, «не создает и не создаст богов». [4](#) Следует учитывать, что влияние на Горького богостроительства, сказавшееся главным образом в «Исповеди», никогда не было органическим, а носило кратковременный характер. Благодаря ленинской критике Горький смог окончательно преодолеть свои ошибки, тем более, что влияние богостроительства на Горького, великого пролетарского писателя, всегда страстно боровшегося со всеми формами пессимизма, врага всякой мистики, не только никогда не имело под собой почвы философского идеализма, но и целиком противоречило самым основам его мирозерцания. У Богданова же богостроительство являлось логическим завершением философской эволюции к утонченному идеализму.

Ленин разоблачил приемы «кружковой дипломатии» Богданова и Луначарского, пытавшихся создать популярность своей философии «пролетарской» культуры и богостроительства ссылками на авторитет Горького. По поводу этих попыток Ленин, критикуя в «Заметках публициста» (1910) платформу группы «Вперед», писал: «...Горький — безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция социал-демократической партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького, но на этом основании

вставлять в *платформу* „пролетарское искусство“ значит выдавать этой платформе свидетельство о бедности, значит сводить свою группу к литераторскому *кружку*... Горький — авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно. Пытаться „использовать“ (в идейном, конечно, смысле) этот авторитет для укрепления махизма и отзовизма значит давать *образчик* того, как с *авторитетами* обращаться не следует» (т. 16, стр. 186).

- 39 -

Эти слова Ленина показывают, что Ленин резко противопоставлял Горького — крупнейшего представителя действительно пролетарского искусства — представителям того якобы «пролетарского» искусства, развитие которого выдвигалось «в качестве специальной групповой задачи» авторами и сторонниками впередовской платформы. Таким образом, Ленин, разумеется, не только не считал тождественными позиции Горького, с одной стороны, и группы Богданова — Луначарского, — с другой, но продолжал подчеркивать, что Горький, несмотря на его ошибочные увлечения, остается крупнейшим представителем пролетарского искусства, т. е. искусства, в корне враждебного философско-эстетическим установкам этой группы. Поэтому же Ленин с такой страстностью выступил в 1909 году на защиту Горького, когда в буржуазной печати началась свистопляска вокруг имени великого пролетарского писателя в связи с состряпанной желтыми журналистами басней об исключении Горького из партии.

С весны 1910 года между Лениным и Горьким велась переписка, в которой немалое место занимали вопросы литературные и философские. Под влиянием Ленина происходит дальнейшее формирование взглядов Горького. В живом обмене мнениями Ленин и Горький установили общность точки зрения по многим вопросам, в том числе о необходимости борьбы с национализмом, с ренегатством, буржуазным декадентством, достоевщиной, «легендой» о Толстом и т. д. Ленин критиковал рецидивы богостроительства, некоторые уступки «общедемократическим» позициям, которые встречались у Горького.

В то время как Богданов и его единомышленники стремились закрепить во взглядах Горького его ошибки, Ленин критиковал те положения Горького, которые противоречили марксизму, и этим оказал огромную помощь великому пролетарскому писателю.

5

В общественно-литературном движении дооктябрьской эпохи значительное место заняла борьба, связанная с именем гениального русского писателя Л. Н. Толстого. В серии статей, посвященных Толстому, Ленин дал исчерпывающую характеристику различных политических направлений в этой борьбе и осветил сущность и значение творчества и взглядов художника. Хронологически статьи Ленина о Толстом связаны с двумя важными датами общественно-политической жизни России: с 80-летним юбилеем Толстого (1908) и смертью великого писателя (1910). Именно в эти и последующие годы борьба вокруг Толстого развернулась с особенной остротой.

Оценивая отклики на юбилей Толстого в легальной русской прессе, Ленин писал: «Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писаек, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода заплачено за их писания, это

всем известно, и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное» (т. 15, стр. 179).

Через два года, когда Толстой умер, фальшь и лицемерие легальной прессы достигли еще больших масштабов. Казенные газеты, только что травившие Толстого, вдруг преисполнились «любовью» к писателю.

- 40 -

«Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах, — писал Ленин. — Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к „великому писателю“ и в то же время защищая „святейший“ синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой „раскаялся“» (т. 16, стр. 296).

Не менее лицемерной, хотя и более изощренной тактики придерживалась либеральная пресса.

«Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами, — писал Ленин. — Они отделяются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о „голосе цивилизованного человечества“, о „единодушном отклике мира“, об „идеях правды, добра“ и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, „цивилизованной“ лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики» (т. 16, стр. 296).

В своих статьях, посвященных Толстому, Ленин защитил его великое наследие от опошления и искажения либералами и другими противниками революции. Вместе с тем, своим всесторонним анализом взглядов и творчества Толстого Ленин указал новые пути науки о литературе и установил принцип правильного подхода к вопросу о значении классического наследия для пролетариата.

Все существовавшие до Ленина попытки определить значение Толстого оканчивались неудачей. Во многих сотнях книг, брошюр, статей о Толстом писатель представлялся то «яснополянским отшельником», то блуждающим богоискателем, то опростившимся барином, то убежденным революционером, то законченным реакционером. Все эти определения, конечно, находились в полном противоречии с действительностью, сложнейшим обликом живого Толстого. И только Ленин смог проникнуть в сущность учения и творчества Толстого, объяснить Толстого всего целиком, найти фактор, определивший и слабые и сильные стороны его взглядов, т. е. создать концепцию, основанную не на сводках тех или иных суждений Толстого, а на всем сложном многообразии его идей.

В статьях Ленина отразились и гордость Толстым как великим представителем русского искусства, и преклонение перед исполинской мощью фигуры художника, и признание глубочайшей органической народности его творчества. Толстой, по словам Ленина, гениальный писатель, который «сумел поставить в своих работах столько великих

вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе» (т. 16, стр. 293). Ленин разрушил легенду о Толстом как угоднике, праведнике, елейном старце, каким представляли его толстовцы. Ленин первый установил революционную, отражающую народные чаяния сущность толстовского обличения и протеста. И в то же время Ленин, зорко увидев мужицкий демократизм Толстого, не оставил в тени и реакционные стороны его идеологии. Только Ленин смог показать, в силу каких причин Лев Толстой —

- 41 -

горячий протестант, страстный обличитель и беспощадный реалист — был вместе с тем проповедником непротivления злу насилieм.

Какими же закономерностями были определены противоречия Толстого?

На этот вопрос давала ответ первая же статья Ленина о Толстом, озаглавленная «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Она появилась в сентябре 1908 года в нелегальной большевистской газете «Пролетарий». Это были дни, когда вся легальная пресса, как отметил Ленин, была полна казенным и либеральным лицемерием по отношению к Толстому и старалась «громом и треском фраз *заглушить* потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия „толстовщины“...» (т. 15, стр. 180). Вскрывая классовую суть писаний кадетских балалайкиных, Ленин и дал ясный, четкий ответ на этот вопрос.

Ленин показывает, что противоречия во взглядах Толстого — не случайность, а правдивое отражение противоречий переломной эпохи. Анализ противоречий русской жизни и отражения их у Толстого и приводит Ленина к определению действительного значения писателя. С безусловной точностью Ленин доказал связь творчества, учения, всей совокупности сильных и слабых сторон Толстого с идеологией патриархального крестьянства, освободившегося от крепостного права и отданного на разграбление капиталу. В результате ленинского анализа Толстой предстал как выразитель идей и настроений русского крестьянства в период между 1861 и 1905 годами. В этот период крестьянство в результате многих десятилетий крепостного гнета и пореформенного разорения все более проникалось ненавистью к самодержавию и стремлением к революционному уничтожению царского правительства и помещичьего строя. И вместе с тем в этот период многократно проявлялись нерешительность, непоследовательность, слабость крестьянского движения, воздержание и отречение от политики. Сплетение противоречивых элементов крестьянской идеологии зеркально отразилось в творческой деятельности Толстого, где наряду со страстным обличением всего уклада старой России содержались и призывы к непротivлению. Разъясняя огромное значение творчества Толстого в его сильных сторонах, Ленин в то же время обстоятельно вскрывал политический вред толстовской теории «непротivления», вред идеализации Толстого и либералами, и меньшевиками.

Ленин показал, что мировое значение Толстого отразило мировое значение первой русской революции, пробудившей к борьбе массы не только рабочих, но и крестьян во всех странах земного шара. Толстой со всей силой гениального художника отразил невиданную ни в одной стране мира мощь революционного протеста многомиллионных крестьянских масс. По определению Ленина, эпоха подготовки революции в России «выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (т. 16, стр. 293). Это значение Толстого отрицалось и отрицается реакционными литературоведами Запада, которые выдвигают

вперед лишь толстовскую идею непротивления, клеветнически толкуя ее как якобы имманентное, врожденное свойство «русской души». Между тем по силе глубокого критицизма и протеста против социальной несправедливости ни одного писателя мира нельзя сравнить с Толстым. Острый критицизм Толстого, непосредственно направленный против политической системы царской, полукрепостнической России, подрывал вместе с тем основы всякого эксплуататорского строя. Именно этими сильными сторонами творчество Толстого оказало и продолжает

- 42 -

оказывать огромное революционизирующее влияние на передовые литературы различных стран мира.

Как показал Ленин, в вопросе об отношении к наследию Толстого отчетливо отразилась острая борьба различных политических направлений. В свете ленинских оценок линии этой борьбы, представлявшей собой весьма важный эпизод в истории русской литературы и общественной мысли, вырисовываются с исключительной ясностью.

Оценивая общественное движение, возникшее в связи со смертью Толстого, либералы отчетливо проявили свое контрреволюционное ренегатство. Контрреволюционное перерождение русского либерализма нашло выражение, в частности, в отношении к забастовкам, сходкам и уличным демонстрациям, происходившим в связи со смертью Толстого. По этому вопросу либералы оказались в согласии с нововременцами и черносотенными публицистами.

Номер выходившей в Париже газеты «Социал-демократ» был уже сверстан, когда Ленин получил петербургские и московские газеты от 12 ноября, сообщавшие о возникших в связи со смертью Толстого антиправительственных демонстрациях и сходках в Петербурге, Москве, Туле, Киеве, Харькове, Варшаве. Особенно внушительные демонстрации произошли в Петербурге. Даже «Русские ведомости» (настроенные, как заметил Ленин, «совершенно по-октябристски»; т. 16, стр. 291), в подборке телеграмм «В Петербурге на улице» не могли не отметить массовый характер процессов. На все эти события Ленин откликнулся статьей «Не начало ли поворота?», вставленной в уже сверстанный номер «Социал-демократа». Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, Ленин в данной статье сосредоточил свое внимание на отношении разных партий к петербургской демонстрации.

С возмущением писал Ленин о том, какую подлую подножку подставили демократии кадеты своим воззванием, где демонстрация признавалась «вредной, нежелательной». В духе этого воззвания была выдержана и передовая статья номера «Речи», в котором было опубликовано воззвание. Более всего возмутила Ленина поистине подлая мотивировка призыва прекратить волнения. Стремление демократических кругов русского общества выразить свой протест против так называемых «обстоятельств», сопровождавших смерть Толстого, т. е. против всего строя царской России, «Речь» охарактеризовала словами: «...в воздухе пахнет тревогой, напряжением, тяжелой и смутной неизвестностью». Устраивать в связи со смертью Толстого манифестацию означало, по мнению «Речи», «омрачить светлую скорбь», обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти». Так писала кадетская газета, как отметил Ленин, в чисто октябристском духе. Резкое недовольство и либералов, и октябристов, и крайних правых объяснилось тем, что в этих волнениях обнаруживались признаки нового революционного подъема. Политические демонстрации, вызванные смертью Толстого, были для Ленина симптомом

революционного подъема, симптомом нового пробуждения широчайших демократических слоев общества.

Русский пролетариат в своих откликах на смерть Толстого — в демонстрациях, забастовках, телеграммах — выразил величайшее уважение к памяти великого писателя и любовь к его гениальным художественным произведениям. Социал-демократическая фракция III Государственной думы опубликовала телеграмму следующего содержания: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства русского и

- 43 -

всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых». Большинство телеграмм, в которых трудовой народ выражал свое отношение к Толстому, было выдержано в таких же тонах. В день смерти Толстого рабочие различных предприятий Петербурга обратились в Государственную думу с требованием почтить его память немедленным обсуждением вопроса об отмене смертной казни. 9 ноября, в день похорон Толстого, в Москве забастовали рабочие на многих заводах и фабриках (Бромлея, Листа, Вестингауза, Менделя и др.). В телеграммах рабочие подчеркивали в деятельности Толстого его роль великого художника, обличителя лжи и насилия, врага «фарисеев и мракобесов», проповедника «освобождения человечества от вековых пут угнетения и рабства», «борца за идеалы лучшей трудовой жизни».

Ряд фактов свидетельствовал, однако, о том, что в атмосфере народного преклонения перед гением Толстого может иметь успех (даже в некоторых слоях пролетариата) злонамеренная пропаганда либералами слабых сторон учения Толстого, его теории непротивления злу насилием, представлявшей серьезную опасность для дальнейшего развития революционного движения. Возможность успеха этой пропаганды, которая велась в классово-эгоистических целях, становилась особенно реальной в условиях столыпинской реакции и идейного разброда среди интеллигенции. Наряду с телеграммами и письмами рабочих, правильно оценивавших значение Толстого, были и отклики, говорившие об известном проникновении в рабочую среду идей, принадлежавших к отрицательным сторонам идеологии Толстого. Либеральная пресса тенденциозно выбирала среди множества откликов рабочих на смерть Толстого именно те, которые возвеличивали слабые стороны его учения. Но даже в откликах, печатавшихся на страницах рабочей печати, нередко сказывалось несомненное влияние реакционной легенды о Толстом. Вопрос о борьбе с проникновением этой фальсификации в широкие народные массы становился все более актуальным.

В своем извращенном толковании творчества и учения Толстого казенные и либеральные публицисты получили поддержку со стороны ряда бывших социал-демократов. В журнале «Наша заря», легальном органе меньшевиков-ликвидаторов, появились статьи о Толстом, которые, по существу, пропагандировали отказ от революционной борьбы и оправдывали толстовщину.

Все эти попытки реакционной пропаганды худших сторон «толстовщины» среди рабочих требовали решительного отпора. Нужно было объяснить широким массам опасность тех сторон его идеологии, за которые либералы и меньшевики объявили Толстого «великой совестью» и «учителем жизни». Вот почему Ленин в статьях, последовавших за его же работами «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и «Л. Н. Толстой», уделяет

особенное внимание отграничению взглядов Толстого от идеологии революционного пролетариата и разъяснению практического вреда, который может принести революции всякая попытка идеализации учения Толстого, всякая попытка оправдания его «непротивленчества».

Пропаганда в массах партийного, большевистского истолкования творчества и учения Толстого становилась, таким образом, и задачей непосредственного политического разоблачения тех, кто подвергал либеральному извращению его творчество. Ленин написал для массового рабочего читателя две статьи: «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» (напечатана

- 44 -

в полулегальной московской газете «Наш путь», предназначенной для профсоюзов) и «Толстой и пролетарская борьба» (напечатана в «Рабочей газете» популярном органе большевиков, издававшемся в Париже). Обе статьи конкретизируют и развивают мысли, высказанные Лениным ранее. В первой из этих статей Ленин характеризует значение и своеобразие толстовской критики современных порядков и указывает на ее отличие от критики тех же порядков у представителей «современного рабочего движения», т. е. у большевиков (т. 16, стр. 302). Во второй статье отмежевание учения Толстого от идеологии революционного пролетариата проводится еще резче.

«Только тогда добьется русский народ освобождения, — писал Ленин, — когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата» (т. 16, стр. 324).

Характеризуя в статье «Герои „оговорочки“» ликвидаторов, Ленин показывает их перекличку не только с либералами, но и с участниками сборника «Вехи». По существу разоблачение Лениным ликвидаторских писаний о Толстом было одним из проявлений борьбы за развертывание революционного движения. В отвлеченных, казалось бы, рассуждениях Базарова на «модную литературную тему» Ленин зорко подметил стремление отвлечь внимание от конкретных историко-экономических и политических вопросов, которые выдвигались в произведениях Толстого и сохранили свое боевое значение для современности. Поддержка легенды о «монолитности» Толстого и найденном им «синтезе», игнорирование сильных сторон творчества Толстого, признание учения о непротивлении злу «составной частью всякого цельного мирозерцания», — все это, как показал Ленин, знаменовало собой уход ликвидаторов «в лагерь поворачивающихся вспять», их измену революции.

6

В 1912 году Ленин радостно писал Горькому: «А в России *революционный* подъем, не иной какой-либо, а именно революционный» (т. 35, стр. 26). Лозунги, под которыми шел революционный подъем, были выработаны на Пражской Всероссийской партийной конференции, изгнавшей из РСДРП меньшевиков-ликвидаторов и оформившей самостоятельное существование большевистской партии.

Ленские дни продемонстрировали перед всем миром революционное мужество, непреклонность русского пролетариата, его волю к победе.

Партия спланировала революционные кадры, усиливала политическую агитацию и пропаганду. Революционный подъем вызвал оживление и в литературном движении, активизировал борьбу за рост литературы пролетариата, за выдвижение новых литературных сил.

«Собирай, народ, силы свои в единую силу», — этот призыв, прозвучавший со страниц повести Горького «Мать», выражал и революционные чаяния масс, и глубокую веру в то, что царскому правительству никакими политическими Мерами не удастся заморозить Россию.

Весной 1912 года в Петербурге начала выходить большевистская «Правда» — мощное орудие борьбы в подготовке масс к социалистической революции.

«Правда» любовно воспитывала рабочих-литераторов, печатала их произведения, обзоры и статьи, посвященные пролетарской поэзии. Газета

- 45 -

значительное внимание уделяла вопросам литературы и искусства: она давала марксистское освещение образам классического наследия, обличала декадентов, клеймила всевозможные проявления реакции, пропагандистов «чистого искусства». Освещая процессы, происходившие в литературе, «Правда» показала, что укрепление реализма в русской литературе вызвано подъемом рабочего движения.¹

Большую роль в проведении линии партии в вопросах литературы сыграл Горький. В годы революционного подъема укрепляется сотрудничество Горького в большевистской печати. Ленин в переписке с Горьким дает ему руководящие указания о направлении литературной работы, подсказывает ему жизненно необходимые темы. «Хорошо бы иметь революционную прокламацию в типе Сказок „Звезды“», — писал Ленин Горькому в феврале 1912 года (т. 35, стр. 1), имея в виду чудесные семь «сказок» Горького из серии «Сказки об Италии», напечатанные в газете «Звезда» в 1911 и 1912 годах. А в 1913 году Ленин писал Горькому об участии писателя в журнале «Просвещение»:

«Вот действительно превосходно будет, ежели мы помаленьку присоседем беллетристов да двинем „Просвещение!“ Превосходно! Читатель новый, пролетарский, — сделаем журнал дешевым, — беллетристику станете Вы пускать только демократическую без нытья, без ренегатства. Рабочих скрепим» (т. 35, стр. 57).

В этих ленинских словах заключена целая программа для развития литературы, необходимой народу, спланивающей массы, духовно закаляющей рабочего читателя.

Забота Ленина о развитии литературы, нужной народу, сказалась и в его внимании к Демьяну Бедному, активному сотруднику большевистской прессы. О первом сборнике Д. Бедного «Басни» (1913) Ленин писал Горькому:

«Видали ли „Басни“ Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите» (т. 35, стр. 66).

Творчество пролетарских писателей, группировавшихся вокруг большевистской печати, воспитывавшихся под влиянием партии, приносило большую пользу в деле воспитания масс и явилось свидетельством бурного роста активности пролетариата. Тяжелые условия, в которых рабочим поэтам приходилось писать, не могли не влиять и на отделку их

произведений, иным из них нехватало знаний. Но глубоко прав был Горький, когда в предисловии к «Сборнику пролетарских писателей» (1914) оценил его как показатель роста «интеллектуальных сил пролетариата» и высказывал твердую уверенность в том, что «пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал — с великим трудом и огромными жертвами — свою ежедневную прессу». Горький пророчески предсказывал, что «об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы».²

Ленин, разрабатывая вопросы культуры в период революционного подъема, дал новые, непревзойденные образцы творческого марксизма, образцы соединения революционной теории с революционной практикой.

В 1912 году, в связи со столетием со дня рождения Герцена, Ленин написал статью «Памяти Герцена». В статье дается всесторонний анализ

- 46 -

взглядов, деятельности и роли Герцена в революционном движении. Статья разоблачала либеральную фальсификацию образа великого революционера, философа и писателя. Еще «Вехи» пытались отделить Герцена от Белинского и Чернышевского. Герцен «вечно борется в себе с интеллигентским ликом», «Чернышевский по всему существу своему другой человек, чем Герцен» и т. д., — эти фразы прикрывали подлое желание кадетов представить его умеренным либералом. В дни юбилея 1912 года либералы стали говорить более конкретно. Струве клеветнически утверждал, что Герцен разочаровался в революции и что его революционность была лишь не чем иным, как «фразеологией», которую он в дальнейшем отбросил. Милюков объявил Герцена «раскаявшимся».

Ленин писал о юбилее Герцена: «Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала» (т. 18, стр. 9). Между тем, как подчеркивал Ленин, деятельность Герцена имела всемирно историческое значение именно потому, что Герцен «поднял знамя революции» (т. 18, стр. 14), что его скептицизм не был отречением от революции, как пытались представить веховцы, а «формой перехода от иллюзий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата» (т. 18, стр. 11). Ленин со всей объективностью писал и о колебаниях Герцена, но при этом отметил, что демократ брал в нем верх над либералом. И слабые стороны Герцена Ленин объяснил как порождение противоречий эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала, а революционность социалистического пролетариата еще не созрела.

Ленинская статья, содержащая объяснение исторического значения Герцена и его роли для современности, явилась мощным противоядием против чудовищного искажения образа Герцена, которое предприняли «рыцари либерального российского языкоблудия» (т. 18, стр. 10) в дни юбилея 1912 года. Эта ленинская статья была теснейшим образом связана с современностью.

«Чествуя Герцена, — писал Ленин, — пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции» (т. 18, стр. 15). Указывая на три

поколения, действовавшие в русской революции (сначала дворянские революционеры-декабристы и Герцен, затем революционеры-разночинцы и, наконец, революционный пролетариат), Ленин подчеркнул, что только пролетарская революция является движением самих масс; преемственность разных поколений освободительного движения не снимает, таким образом, вопроса об известной классово-ограниченности деятелей этого движения — предшественников пролетарской борьбы. Декабристы, несмотря на все историческое значение их дела, были страшно далеки от народа. Начиная с Чернышевского, связь с народом у революционных борцов стала шире, но миллионные массы поднялись на борьбу лишь с выступлением пролетариата на арену истории.

Ленин считал, что только революционный пролетариат является законным наследником и продолжателем передовой русской культуры. Именно с этой точки зрения рассматривал он историю пролетарской печати и публицистики в статье «Из прошлого рабочей печати в России».

- 47 -

Большое значение для определения путей развития культуры и литературы имела разработанная партией программа по национальному вопросу, работы В. И. Ленина — «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение», И. В. Сталина — «Марксизм и национальный вопрос».

Буржуазные ученые, публицисты, литераторы в своих писаниях обычно признавали исключительную запутанность различного рода «теорий» в области изучения национального вопроса. Известный библиограф И. Рубакин в обзоре литературы по национальному вопросу, помещенном в его обширном справочнике «Среди книг», отмечал, что эта литература подавляет читателя «своей сложностью, запутанностью, числом всевозможных течений и направлений мысли и множеством всевозможных оттенков в каждом из этих течений, причем все они нередко противоречат не только друг другу, но и самим себе». ¹ Но «запутанность» эта была не случайной, она была нужна буржуазии для того, чтобы скрыть действительные причины национальной розни, завуалировать классовую сущность национального гнета.

Марксизм никогда не рассматривал национальный вопрос как нечто самодовлеющее. Марксизм требует рассматривать национальный вопрос, как и всякий социальный вопрос, в определенных исторических рамках и в связи с конкретными условиями общественно-политической, классово-борьбы. На этой основе Ленин разработал концепцию «двух культур» при капитализме. Разоблачая реакционную выдумку о возможности единой национальной культуры при капитализме, Ленин указывал на необходимость различать прогрессивные и реакционные элементы каждой национальной культуры. В статье «Критические заметки по национальному вопросу» он писал:

«Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие же две культуры* в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.» (т. 20, стр. 16).

В другом месте Ленин, развивая эту же мысль о противоположности народной культуры культуре эксплуататорского меньшинства, указывал: «...мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их

только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации» (т. 20, стр. 8).

Ленин и Сталин последовательно обосновывали и защищали интернационалистический принцип сплочения пролетариата, разоблачали националистическую политику сепаратизма в рабочем движении, которую проводил Бунд, а также национал-федералистские элементы в Закавказье, и Польше и др.

Ленин и Сталин подвергли сокрушительной критике буржуазно-националистическую идею, согласно которой у пролетария и буржуа якобы одинаковые обычаи и характеры, единая, лишенная классовых антагонизмов национальная культура.

В своей работе «Марксизм и национальный вопрос» И. В. Сталин отмечал исключительное обострение национального вопроса в период контрреволюции,

- 48 -

Сталин подверг уничтожающей критике враждебные пролетариату националистические «теории» и сформулировал определение нации:

«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (т. 2, стр. 296).

В свете этого определения нации обнаруживается вся лживость националистических теорий о мистическом, имманентном «национальном духе» как некоей «вечной», неизменной субстанции. Научное освещение получила в работе Сталина и проблема «национального характера».

«Нечего и говорить, — замечает Сталин, — что „национальный характер“ не представляет нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни, но, поскольку он существует в каждый данный момент, — он накладывает на физиономию нации свою печать» (т. 2, стр. 296).

Это положение разбивает взгляды равно враждебных пролетариату и националистов, и сторонников национального нигилизма, игнорирующих национальные традиции, особенности культуры и быта различных народов.

Борясь за равноправие наций, партия выступала против «каких бы то ни было *привилегий* в этом отношении» (Ленин, т. 20, стр. 11), против буржуазного национализма, за пролетарский интернационализм.

С этих (партийных позиций в национальном вопросе очевидно огромное значение и культурного общения между передовыми, демократическими элементами различных наций. «Если большинство украинских рабочих находится под влиянием великорусской культуры, — писал Ленин, — то мы знаем твердо, что наряду с идеями великорусской поповской и буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии. Борясь с первого рода „культурой“, украинский *марксист* всегда выделит вторую культуру и скажет своим рабочим: „всякую возможность общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей обязательно всеми силами ловить, использовать, закреплять, этого требуют коренные интересы *и* украинского *и* великорусского рабочего движения“» (т. 20, стр. 16).

Взятый Лениным пример воздействия передовых идей великорусской культуры находит полное подтверждение и в истории взаимоотношений русской литературы и литератур других национальностей. Так, лучшие украинские писатели — Тарас Шевченко, Марко Вовчок, Иван Франко, Леся Украинка, Михаил Коцюбинский и другие — находились под прямым влиянием передовой русской литературы. Для них было характерно живое ощущение кровной связи русского и украинского народов в борьбе с самодержавием и крепостничеством.

Лучшие люди России клеймили царское правительство за преследование передовых украинских писателей. Ленин с возмущением писал в 1914 году о решении министерства внутренних дел запретить проведение столетнего юбилея со дня рождения Шевченко.

Передовые украинские писатели в волнующих словах заявляли о своем уважении и любви к русскому народу. Иван Франко, выражая чувства всего украинского народа, писал:

«Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра... Мы любим в русской духовной сокровищнице драгоценные золотые зерна, но отличаем их от мякины, от шлака, от плодов темноты».¹

- 49 -

Иван Франко обличал националистов, отождествлявших русское самодержавие с русским народом и передовой русской культурой: «Разумеется, русское государство, его жандармы и чиновники и подавление ими всякой свободной мысли — одно дело, а русская литература с Гоголями, Белинскими, Тургеневыми, Добролюбовыми, Писаревыми, Щаповыми, Решетниковыми и Некрасовыми — совершенно иное дело».¹ Влияние передовой русской литературы на украинскую углублялось личной дружбой Шевченко с Чернышевским и другими революционно-демократическими литераторами, Коцюбинского — с Горьким, а также сотрудничеством Леси Украинки и других писателей в лучших русских журналах. Подобные примеры дает и история литературы белорусского, грузинского, армянского, казахского и других народов. Эти славные традиции нашли свое дальнейшее продолжение и развитие после Октября, когда в новых условиях, в условиях советского государства, литературы народов нашей страны стали составной частью многонациональной советской литературы.

Неустанно разоблачая националистов и шовинистов всех толков и оттенков, партия воспитывала рабочий класс и всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма.

Большую помощь в этой воспитательной работе оказало творчество Горького, на всем протяжении своей деятельности разоблачавшего всевозможные проявления национализма и шовинизма: гнусную работу царского правительства, провоцировавшего еврейские погромы, резню между армянами и азербайджанцами и т. д. Горький, учась у партии, видел единственную возможность освобождения народов России от национального гнета в революционном перевороте, в ликвидации самодержавия. В 1905 году он писал:

«И все, у кого разум светел, чья воля не поддается порабощению, должны соединиться в одну семью для борьбы с той злой и бессмысленной силой, которая одинаково тяжело давит всех нас».²

Пролетарская литература с самого своего возникновения была пронизана идеей интернационального единения трудящихся всех национальностей в революционной борьбе. Пролетарские писатели своим творчеством способствовали сплочению

революционных сил рабочего класса всех национальностей, неустанно бичуя при этом проповедников и носителей национализма и шовинизма. Идея пролетарского интернационализма нашла свое яркое воплощение в повести Горького «Мать», где показано, как в процессе роста политического сознания участников борьбы «рождалось чувство духовного родства рабочих всей земли».

Стремясь сплотить все прогрессивные силы литератур различных национальностей России, Горький энергично занялся в издательствах «Знание» и «Парус» организацией сборников произведений национальных писателей. Несмотря на огромные трудности такого рода изданий в условиях царского режима, Горькому удалось издать сборники армянской, латышской и финской литературы.

В конце XIX — начале XX века лозунг единой национальной культуры, рассчитанный на политическое развращение трудящихся, в то же время должен был служить своеобразным прикрытием той картины гниения и распада, которую представляла собой культура буржуазная, империалистическая. Сущность ее могла быть вскрыта лишь на основе марксистского

- 50 -

анализа империализма. Этому анализу Ленин посвятил свой труд «Империализм, как высшая стадия капитализма».

В своей работе Ленин всесторонне вскрыл основные особенности империализма как последней, *загнивающей* стадии капиталистического развития.

«Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм» (т. 22, стр. 286).

Ленинский анализ с безусловной точностью доказал, что империализм является реакционной преградой во всех областях общественного развития. В тетрадях Ленина, относящихся к 1914—1916 годам, имеются записи и заметки, свидетельствующие о том, что Ленин, изучая особенности империализма, интересовался также фактами и иллюстрациями из области искусства.

Так, в его экономических тетрадях сохранились выписки о процессе монополизации в кинематографии, о бешеных доходах французской кинофирмы Патэ, германского кинотреста Фиаг, превративших эту важнейшую отрасль культуры в орудие наживы. Другая заметка — из Глеба Успенского («Не воскрес») — сделана в первые месяцы империалистической войны для иллюстрации характера хищнических войн.^{[1](#)}

В ряде статей Ленина раскрыты многочисленные факты усиления буржуазного декаданса в различных областях культуры, распространения в литературе империалистических тенденций, падения литературных нравов и все те процессы загнивания капиталистической культуры, которые, в конечном счете, был, и порождены, по образному его выражению, «пляской миллионов». Для разоблачения империалистической псевдокультуры, для показа продажности и дальнейшего перерождения либеральной буржуазии Ленин мастерски использовал различные эпизоды буржуазной общественной

жизни и буржуазного литературного движения (статьи «Памяти графа Гейдена», «Капитализм и печать», «Карьера»).

В 1913 г. Ленин напечатал в «Правде» статью, озаглавленную: «Кому выгодно?». С обычной для гения пролетарской революции мудрой простотой эта статья разъясняет принцип, которым следует руководствоваться для того, чтобы верно оценить любые, самые сложные действия самых хитроумных людей: «Есть такое латинское изречение „*cui prodest*“ (куи продэст), — „кому выгодно?“. Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: „Кому выгодно?“».

Далее Ленин указывает, что личность человека, отстаивающая ту или иную политику, не так важна, ибо капитализм может «нанять» или купить «любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее». Наконец, буржуазные взгляды кто-либо может защищать и по недомыслию. Поэтому не всегда так важно, кто проводит определенные взгляды, а важнее — кому они выгодны.

Ленин писал эту статью в обстановке подготовки империалистической войны и бешеной гонки вооружений, которую буржуазия прикрывала

- 51 -

воплями о мире, о патриотизме, о культуре, прогрессе... Ленин, призывая не верить фразам, спросил: «Кому выгодно?» — и ответил: Круппу в Германии, Армстронгу в Англии, Крезю во Франции, Кокериллю в Бельгии и другим капиталистам.

«Вот кому выгодно раздувание шовинизма, болтовня о „патриотизме“ (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!» (т. 19, стр. 33, 34).

Начавшаяся в 1914 году империалистическая война выдвинула с еще большей остротой политические вопросы. Буржуазия скрывала действительные цели войны, ее империалистический, захватнический характер, обманывала народ, заявляя, что целью этой войны была якобы защита родины. Кадеты безоговорочно поддерживали политику царского правительства. Большевики, троцкисты, эсеры помогали буржуазии обманывать народ.

В годы империалистической войны большевистская партия призывала вести беспощадную борьбу с шовинизмом, разъясняя, что важнейшей задачей всех действительных патриотов, стоящих на позициях пролетарского интернационализма, является пропаганда социалистической революции и необходимости для трудящихся направить оружие против империалистических правительств и буржуазии своих стран.

В статье «О национальной гордости великороссов», написанной в декабре 1914 года, Ленин вскрыл истинное содержание лжепатриотической декламации включившихся в военную пропаганду помещичье-буржуазных идеологов и содержание подлинного, революционного патриотизма, свойственного русскому рабочему классу.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? — спрашивал Ленин и отвечал: — Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» (т. 21, стр. 85).

Ленин показывает далее, что действительный патриотизм и заключается в том, чтобы вести революционную борьбу против царизма, против всех помещиков и капиталистов.

В 1915 году, характеризуя военную пропаганду, Ленин писал, что царское правительство, не отставая от своих собратьев в Западной Европе, «сумело осуществить обман „своего“ народа в грандиозном масштабе. Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход и в России, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление, будто царское правительство ведет „справедливую“ войну...» (т. 21, стр. 287).

В том чудовищном аппарате «лжи и хитросплетений», который Ленин охарактеризовал в приведенных выше словах, немалое место заняла и буржуазная литература, мобилизовавшаяся в 1914 году на идеологическое обслуживание империалистической войны. Утонченные эстеты, воспевавшие далекий от «сует» мир абстрактной мечты, и литературные ремесленники, готовые исполнить любой заказ за построчную плату, убеленные сединами блюстители «чистой науки» и резвые юноши, воспитанные в духе буржуазного делячества, славянофильствующие националисты и ярые «европейцы»-космополиты, — весь «цвет» буржуазно-дворянской интеллигенции включился в пропаганду и обоснование империалистической войны тотчас же после расклейки царского манифеста. Мышиная возня в этом лагере, где со старческим воодушевлением спорили о времени «Христово пришествия» и путях создания «всемирной теократии», сразу прекратилась.

- 52 -

«Что-то неопишное делается везде... Какой-то прилив молодости... Все забыто, все отброшено, кроме единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войне», — писал, захлебываясь, рыцарь монархизма В. В. Розанов в статье «На улицах Петербурга». В действительности же никакой «внезапности» не было. В большевистской прессе было показано, что война эта подготовлялась правительствами и буржуазными партиями всех стран в течение десятилетий.

Оперативность, с которой буржуазно-дворянская интеллигенция начала выпускать свою идеологическую военную продукцию, именно этим и объясняется. Эстетско-символистский журнал «Аполлон», орган литераторов, постоянно подчеркивавших свое презрение к политике и «жалкому земному бытию», уже в августовском — сентябрьском номере дает большой военный материал. Со славословием войны после ее начала вышли очередные номера всех журналов — от «Вопросов философии и психологии» до бульварного «Огонька». Именно долгожданным стремлением к войне, полной согласованностью ее политико-экономических задач со всей идеологией русского империализма, которая проповедывалась в «Вехах», «Проблемах идеализма» и других документах гниения и распада, и объясняется такая быстрая мобилизация философии, литературы, искусства. Господа, которые еще в изданном в 1909 году сборнике «Вехи» превозносили власть за то, что она, по их признанию, «своими штыками и тюрьмами ограждает от ярости народной», — естественно, не нуждались в особой «перестройке». Идеологи контрреволюционной буржуазии надеялись, что война поможет если не уничтожить, то ослабить революционное движение пролетариата.

Наиболее реакционные из писателей — Н. Гумилев, Ф. Сологуб, Леонид Андреев, М. Кузмин, А. Ремизов и им подобные — на все лады воспевали империалистическую войну как «духовное обновление нации», перелагая, каждый по-своему, самые гнусные идеи кадетской и черносотенной прессы. Военно-шовинистические произведения этих

писателей печатались во всех без разбора реакционных изданиях — от газеты «Русская воля» (связанной с крупными военными промышленниками и охранкой) до нововременского журнала «Лукоморье». Ленин писал в 1915 году, что «русский либерализм... состязается в „патриотизме“ с черной сотней... Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции» (т. 21, стр. 288). До какого предательства национальных интересов дошли писатели этого лагеря, свидетельствуют стихи акмеистов, перемежавших прославление мистической «осветленности» войны с подлейшей апологией самодержавия и с настроениями обреченности. Такого же рода идеи развивались и в реакционной литературе стран Западной Европы. В статье «О поражении своего правительства в империалистической войне» Ленин называет «архиреакционером» французского писателя, пропагандиста католицизма и яркого шовиниста Мориса Барреса и приводит его девиз: «Где страдания, там религия». Кстати говоря, Баррес в своей книге «La guerre et l'âme français» сомкнулся с русским контрреволюционным либерализмом своей оголтелой враждой к материализму и клеветой на марксистов. Так создавался единый международный фронт идеологической реакции.

Чтобы замаскировать истинную сущность войны, ее грабительский характер, борьбу империалистов за передел мира, за овладение рынками, нужна была хитросплетенная сеть логических абстракций, далеких от действительности, как небо от земли. Те черты буржуазно-идеалистической философии, на которые Ленин указал в статье «О „Вехах“», проявились и в философствованиях реакционеров на военные темы.

- 53 -

Идеалистическая философия, которая кладет в основу событий не реальный ход истории, создающийся в процессе классовой борьбы, а «волю бога» или абсолютизированное мышление, великолепно служила целям маскировки сущности войны. Например один из таких философов, сотрудник «Вопросов философии и психологии», Ив. Ильин в самом начале войны сформулировал на страницах журнала программу «философского» обоснования войны. Согласно этой программе происходящие события можно понять лишь вне «непосредственной житейской атмосферы», поэтому следует все острые вопросы современности, и в том числе вопрос о войне, перенести в сферу оторванных от жизни абстракций. Так в новых условиях обнаруживалась реакционная политическая сущность теоретизирований новейшего идеализма, которая была вскрыта Лениным ранее в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

В статье о кадетском сборнике «Чего ждет Россия от войны» (1915) Ленин писал, что специфическая функция либеральной интеллигенции заключалась в том, чтобы «прикрывать реакцию и империализм всяческими демократическими фразами, заверениями, софизмами, увертками» (т. 21, стр. 239). В этом сборнике, как показал Ленин, лишь статья Милюкова нечаянно выбалтывает правду о территориальных приобретениях, которых добивались в войне империалисты. Вся же роль этой книги сводится к прикрытию реакционных стремлений империализма всевозможными лицемерными рассуждениями о «справедливости», «братстве народов», «демократии», «лучших заветах идеализма» и т. д.

Целая серия книг «Война и культура», издававшаяся в годы войны, была призвана замаскировать истинные цели войны. Вопросы этики, права, политики, даже тема о древней религиозной живописи — все это размазывалось, сдабривалось ссылками на евангелие, на реакционных буржуазно-дворянских теоретиков, пересыпалось цитатами из шовинистических стихов и по дешевке выбрасывалось на рынок издательствами Сытина и Кушнарера.

В статье «О национальной гордости великороссов» Ленин вскрыл связь корней идеологии национализма и шовинизма империалистических идеологов «с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций» (т. 21, стр. 84). Национализм и шовинизм империалистов имели свои «традиции». В частности, не случайно происходила гальванизация славянофильства. В тезисах Ленина о войне, написанных в августе — сентябре 1914 года, в числе лозунгов социал-демократии, указывалось: «...в особенности борьба с царской монархией и великорусским, панславистским, шовинизмом и проповедь революции в России...» (т. 21, стр. 4). А в 1915 году Ленин указал, что «панславизм... стал официальной идеологией кадетов» (т. 21, стр. 288).

Вся российская реакционная пресса военных лет подняла на щит теоретиков и писателей, развивавших славянофильские идеи. Газеты пестрели именами Хомякова, Аксакова, Леонтьева и других славянофилов, статьями о них, отрывками из их сочинений. В «теоретизированиях» либералов Булгакова, Бердяева, Эрн, князя Трубецкого, В. Ильина, С. Франка и др. освоение славянофильства шло полным ходом.

Возрождение славянофильства веховцами явилось продолжением в новых условиях борьбы с революционными традициями русского народа и служило одним из средств «опровержения» революционных идей. Как известно, реакционные программные установки славянофилов основывались на представлениях о русском народе как «смиренном», богобоязненном, искони преданном царю и помещику и чуждом революционным идеям,

- 54 -

которые славянофилы считали «наносными», вынесенными из Западной Европы. Поэтому Белинский и другие революционные демократы вели со славянофилами непримиримую идейную борьбу, разоблачая реакционную политическую сущность их писаний. Панславистские мечты славянофилов об объединении славянских народов под владычеством русского самодержавия не имели, конечно, ничего общего с теми братскими чувствами, которые были свойственны русскому и другим славянским народам.

Все это объясняет, почему учение славянофилов было принято на вооружение идеологами русской империалистической буржуазии.

Однако теории славянофилов не остались в руках их новейших последователей неизменными. В годы войны в писаниях славянофильствовавших буржуазных «теоретиков» с особой четкостью выявилось сочетание реакционного национализма с космополитизмом. Буржуазия, находясь в блоке с помещиками, требовала защиты в качестве «самобытности» самодержавно-абсолютистской системы и союза с буржуазными государствами Западной Европы, с которыми царскую Россию соединяли общие грабительские дела на международной арене.

То обстоятельство, что царская Россия в эпоху войны носила все, общие с Западом, черты гнивающего империализма, обусловило международный, общий с другими империалистическими странами характер идей русской реакционной философии.

«Не с Германией Канта, Фихте, Шеллинга и Шопенгауэра, этих учителей... русских славянофилов..., боремся мы», — вещал Г. Рачинский в речи на заседании Московского религиозно-философского общества в октябре 1914 года. *Откидывать* таких философов-идеалистов, как Кант, Фихте, Шеллинг, Шопенгауэр, идеологам реакции в России было явно невыгодно. Они пригодились им, так же как и немецкому империализму, для

одурманивания масс красноречивыми формулами справедливости, гуманности, человеколюбия, для наступления на идеи материализма, на марксизм, на пролетарскую революцию.

Так, в годы империалистической войны, в новых условиях подтвердилось положение Ленина о том, что мнимая «беспартийность» философии является буржуазной ложью.

Из всего этого ясно, какую гигантскую, героическую работу пришлось провести большевистской партии, чтобы разъяснить истинные цели империалистической войны и пути избавления от нее. Наряду с пропагандистской работой в тылу большевики развернули пропаганду также в армии и во флоте, разъясняя массам солдат и матросов единственный — революционный — выход для народа из империалистической бойни.

Огромную роль в этой пропагандистской работе выполняла большевистская пресса. В условиях жесточайшего цензурно-полицейского террора большевики умело использовали для антиимпериалистической революционной пропаганды и легальные, в частности, профсоюзные журналы.

Горький, вернувшийся в 1913 году по совету Ленина из-за границы в Россию, с началом войны развернул антимилитаристскую пропаганду и стремился сплотить в этой работе все лучшее, что было в русской литературе.

Антиимпериалистические выступления Горького имели широкую популярность: еще в период русско-японской войны он показал разложение правящих классов царской России, лакейски прислуживавших зарубежному капиталу. В серии блестящих политических памфлетов («Прекрасная Франция», «Город желтого дьявола», «Царство скуки» и др.) Горький показал антинародный, реакционный характер лживой буржуазной демократии Франции

- 55 -

и Америки и призывал к уничтожению капиталистической системы. В 1915 году Горький основал журнал «Летопись» для того, чтобы с ее страниц пропагандировать идеи интернационализма и разоблачения империализма. Необходимо, однако, отметить, что активная антивоенная пропаганда, которую Горький вел непосредственно в годы империалистической войны и которая приносила большую пользу, была ослаблена его известными мелкобуржуазными ошибками и колебаниями, которые он позднее преодолел под влиянием критики со стороны Ленина и Сталина (см. Ленин, т. 23, стр. 324—325, и Сталин, т. 3, стр. 385—386). Нечеткость политической линии Горького проявилась и в подборе авторов для «Летописи».

В годы войны возросла роль пролетарских поэтов, которые со страниц нелегальных газет и листовок, а также используя легальную печать, помогали партии вести борьбу против империализма, за социалистическую революцию. Следует отметить литературную работу Серафимовича и особенно Демьяна Бедного, который в эти годы обращался к народу с поэтическим словом, разоблачавшим империалистический характер войны на страницах различных журналов и газет. Демьян Бедный умело приспособлял для целей антиимпериалистической пропаганды и свои переводы басен Эзопа.¹

Суrowая практика, которую трудовой народ прошел в период империалистической войны, имела свое воспитательное значение. Позднее Ленин ссылался на романы Анри Барбюса «В огне» и «Ясность» как на особенно наглядное подтверждение роста революционного

сознания в массах в результате войны. Об этих романах Ленин сказал: «Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво» (т. 29, стр. 470). Революционизирующее влияние войны, о котором неоднократно говорил Ленин, сказалось, как известно, в эволюции ряда выдающихся русских писателей — Маяковского, Серафимовича и других.

Все это говорит о могучей, неодолимой силе идей коммунизма, определивших путь лучших представителей нашей литературы.

*

В своих работах периода империалистической войны Ленин неопровержимо доказал, что эта преступная война поставила человечество перед дилеммой: «...или пожертвовать всей культурой или же революционным путем сбросить с себя капиталистическое ярмо, устранить господство буржуазии и завоевать социалистическое общество и прочный мир» (т. 26, стр. 350). Русский пролетариат пошел по единственно правильному пути социалистической революции. Рабочие России, возглавленные Коммунистической партией, первые в мире свергли господство буржуазии и установили власть Советов.

Этой всемирно-исторической победой большевистской партии и русского пролетариата открылась новая эра также и в развитии русской и мировой культуры.

В январе 1918 года, через три месяца после установления диктатуры пролетариата, Ленин заявил с трибуны III Всероссийского съезда Советов: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того,

- 56 -

чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации» (т. 26, стр. 436).

Октябрь 1917 года открыл возможности для полного расцвета художественного творчества, для всестороннего развития действительно свободной, открыто связанной с массами литературы, о которой Ленин пророчески писал в 1905 году в статье «Партийная организация и партийная литература». В 1917 году вступили в действие принципы построения культуры нового мира, принципы, разработанные Коммунистической партией в героические годы подготовки пролетарской социалистической революции. Начался новый период развития русской литературы — период *литературы советской*, с наибольшей полнотой отражающей лучшие, многовековые чаяния народа.

Сноски к стр. [9](#)

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVIII, стр. 27.

Сноски к стр. [10](#)

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1949, стр. 8.

Сноски к стр. [16](#)

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 13—16, 20—21. В дальнейшем цитируется: История ВКП(б). Краткий курс.

Сноски к стр. [18](#)

¹ «Воззрения Энгельса — Ср. Успенского: (в одно слово с Энгельсом) (Три очерка)» (Ленинский сборник, XIX, стр. 279).

Сноски к стр. [21](#)

¹ По цензурным соображениям Ленин вместо слова «пролетариат» был вынужден писать «бесхозные производители».

² «Искра», 1901, № 13, 20 декабря; 1902, № 15, 15 января.

³ В частности, в отделе «Из нашей общественной жизни» «Искра» поместила адрес Л. Толстому от рабочих Прохоровской мануфактуры (1901, № 4, май).

Сноски к стр. [22](#)

¹ «Искра», 1901, № 5, июнь («Полицейский набег на литературу»).

² «Искра», 1902, № 19. 1 апреля («Несчастный случай с Академией Наук»); 1902, № 21, 1 июня («Академия Наук и М. Горький»); 1903, № 33, 1 февраля («Юбилейное холопство»).

³ «Искра», 1901, № 13, 20 декабря.

Сноски к стр. [23](#)

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 89.

² М. Горький. Статьи 1905—1916 гг. Изд. 2-е, Пгр., 1918, стр. 92.

³ Вроде исследования г. Кизеветтера, открывшего, что диктатура значит по-латыни усиленная охрана. (Примечание В. И. Ленина, — *Ред.*).

Сноски к стр. [24](#)

¹ «Пролетарий», 1905, № 16 14 (1) сентября («Задачи пропаганды»).

² Например, в № 10 газеты «Вперед» от 15 (2) марта 1905 года отмечается участие в парижском «Обществе друзей русского народа» Анатоля Франса, Эмиля Золя, Октава Мирбо.

Сноски к стр. [25](#)

¹ Протоколы III съезда РСДРП, М., 1937, стр. 389.

Сноски к стр. [30](#)

¹ «Правда», 1936, № 169, 21 июня (из речи на траурном митинге).

Сноски к стр. [31](#)

¹ Революционный путь Горького. По материалам департамента полиции. М. — Л., 1933, стр. 77.

² М. Горький. Публицистические статьи. Л., 1933, стр. 31.

³ Подробнее эта тема освещается ниже, в разделе, посвященном Горькому.

Сноски к стр. [33](#)

¹ Эти романы Ленин в статье «О народничестве» относит к разряду «позорных произведений» (т. 18, стр. 492).

Сноски к стр. [34](#)

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 97.

Сноски к стр. [38](#)

¹ В. И. Ленин. Письма к родным. Партиздат, 1934, стр. 318.

² См.: В. И. Ленин, Сочинения, т. XVI, изд. 3-е, стр. 736.

³ Цитировано В. И. Лениным (т. 35, стр. 92).

⁴ М. Горький. Статьи и памфлеты. Изд. «Молодая гвардия», Л., 1948, стр. 311.

Сноски к стр. [45](#)

¹ Подробнее о роли «Правды» в литературном движении см. ниже в главе «Журналистика».

² М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи, 1941, стр. 68.

Сноски к стр. [47](#)

¹ Н. А. Рубакин. Среди книг, т. III, ч. 1. Изд. 2-е, М., 1915, стр. 100. Ленин в своей рецензии на второй том этой работы отметил эклектизм автора и скрытую полемику его с марксизмом под флагом «объективности» (т. 20, стр. 236—238).

Сноски к стр. [48](#)

¹ И. Франко, Избранные сочинения, т. V. Гослитиздат, М., 1951, стр. 15—16.

Сноски к стр. [49](#)

¹ И. Франко, Избранные сочинения, т. V. Гослитиздат, М., 1951, стр. 49.

² М. Горький, Собрание сочинений, т. 23, стр. 341.

Сноски к стр. [50](#)

¹ Текст выписки сделан рукой Н. К. Крупской, надпись «Война за свинину» — рукой Ленина.

Сноски к стр. [55](#)

¹ Подробнее см. в главах «Пролетарские поэты», «Демьян Бедный», «Серафимович».

* Борис Соломонович Мейлах (1909-1987) – советский литературовед. Доктор филологических наук, профессор Ленинградского государственного университета, многолетний сотрудник Института русской литературы (Пушкинского дома).

За монографию «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX века» получил Сталинскую премию 1948 г.